

ЕВГЕНІЯ

ПАРТІЯ СОЦІАЛІСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.
Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое!

И. Р. Цалъаев

ИВАНЪ ПЛАТОНОВИЧЪ
КАЛЯЕВЪ.

(Отдѣльный оттискъ изъ «Рев. Росс.»)

СОДЕРЖАНІЕ:

И. П. Каляевъ. Каляевъ и великая
княгиня. Процессъ. Стихотворенія
Каляева. Письма. Последнія мину-
ты. Смерть И. П. Каляева.

Цѣна 8⁰ с.

1905.

Типографія Партіи Соціал.-Револуціонеровъ.

LOAN STACK

И. П. КАЛЯЕВЪ
1895 г.

И. П. КАЛЯЕВЪ
1899 г.

И. П. КАЛЯЕВЪ
1904 г.

И. П. КАЛЯЕВЪ
(ВЪ ТЮРЬМЪ)
1905 г.

DK 257
KMP37

ПАРТІЯ СОЦІАЛИСТОВЪ-РЕВОЛЮЦІОНЕРОВЪ.

Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое.

ИВАНЪ ПЛАТОНОВИЧЪ КАЛЯЕВЪ.

«Въ бою съ врагами истекъ ты кровью...»

Телеграфъ принесъ намъ извѣстіе. Мы давно ждали его, этого коротенькаго извѣстія въ нѣсколько словъ. Болѣе того, мы заранѣе были увѣрены, что ничего другого ждать мы не можемъ. И все таки оффиціальныи текстъ телеграммы жжетъ и давитъ и зоветъ къ мести.

5-го апрѣля въ Москвѣ состоялся при закрытыхъ дверяхъ судъ Особого Присутствія Сената надъ нашимъ товарищемъ, членомъ Боевой Организациі, Иваномъ Платоновичемъ Каляевымъ, по обвиненію его въ принадлежности къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ и въ убійствѣ великаго князя Сергѣя Александровича. Судъ вынесъ обвинительный приговоръ и приговоръ этотъ—смертная казнь.

Мы не имѣемъ еще подробныхъ свѣдѣній объ этомъ процессѣ,—процесѣ, моральная и политическая оцѣнка котораго принадлежитъ исторіи. Оцѣнку эту нетрудно впрочемъ предсказать и теперь: время заклеимтъ несмываемымъ позоромъ тѣхъ «судей праведныхъ», которые продаютъ свой стыдъ и свою совѣсть, а народъ, пробужденный и гнѣвный народъ, не забудетъ того, кто не колеблясь отдалъ свою жизнь за свободу и счастье всѣхъ трудящихся, униженныхъ и оскорбленныхъ.

По сообщеніямъ французскихъ газетъ (Le Matin, L'Echo de Paris, Le Petit Parisien, L'Humanité) И. П. Каляевъ, на вопросъ предсѣдателя о его виновности, отвѣтилъ, что не признаетъ права за нимъ и за его товарищами, — слугами самодержавія и буржуазіи,—судить его, военноплѣннаго въ гражданской войнѣ, той войнѣ, которую ведетъ вся трудовая Россія съ царемъ и съ буржуазіей. Болѣе того, если бы судъ его оправдалъ, онъ не колеблясь снова взялся бы за оружіе: этого требуютъ интересы партіи, и онъ считается только съ ними и съ волей ея Боевой Организациі. Приговоръ онъ выслушалъ съ полнымъ хладнокровіемъ (avec le plus grand sang-froid) и послѣднія его слова были: «Я хотѣлъ бы одного, что бы вы имѣли смѣлость убить меня открыто, какъ открыто на глазахъ у всѣхъ, я убилъ великаго князя Сергѣя». Обвинялъ И. П. Каляева г-нъ Щегловитовъ и защищали его прие. пов. Мандельштамъ и Ждановъ.

Здѣсь не мѣсто и, быть можетъ, не время давать характеристику и полную біографію только что осужденнаго товарища. Не мѣсто, ибо его недолгая, но сложная и богатая впечатлѣніями жизнь не уложится въ рамки газетной статьи, и не время, ибо не все, пережитое имъ, можетъ быть опубликовано во всеобщее свѣдѣніе. Остановимся только на главныхъ этапахъ того, что было и что уже произошло безвозвратно.

Дѣтство И. П. Каляева освѣщалось двумя родами воспоминаній,—фамилными традиціями, переходившими отъ дѣдовъ къ отцамъ и отъ отцовъ къ дѣтямъ. Вѣдь и у народа есть свои традиціи и, быть можетъ, они тверже и крѣпче, чѣмъ у тѣхъ, кто гордится своими гербами и заноситъ свою родословную въ шестую и инныя книги дворянства. Отецъ его,—дворовый человѣкъ помѣщицы Муратовой, крестьянинъ Рязскаго уѣз., Рязанск. г., впоследствии унтеръ-офицеръ Кіевского полка и еще позже околodочный надзиратель въ Варшавѣ,—принесъ съ собою въ семью отголоски дореформеннаго строя, застарѣлую ненависть къ уже отжившему крѣпостному праву и крестьянскую, устоявшую даже во время службы въ полиціи, честность. Твердостью характера, чутко развитымъ сознаниемъ долга и почти безграничной выносливостью И. П. обязанъ ему—своему отцу, носившему полицейской мундиръ и, въ то же время, сумѣвшему сохранить душу живую. Матери,—Софіи Омнишнѣ Піотровской, происходившей изъ разорившейся польской шляхетской семьи, онъ обязанъ другимъ—своей впечатлительностью, тонкой красотой своихъ художественныхъ воспріятій и такой характерной для него, всепрощающей, чистой и нѣжной любовью къ народу.

Родиной его была Варшава, городъ, залитый неисчислимыми потоками слезъ и обогранный чѣлымъ океаномъ народной крови. Каждый камень на улицѣ напоминалъ о «безумствѣ храбрыхъ» и каждый домъ хранилъ свои неувидающія воспоминанія.

Неудивительно, поэтому, что еще въ дѣтствѣ въ немъ зародилась ненависть къ царю и къ самодержавію и уже тогда заблестѣли первыя искры того божественнаго огня, который ведетъ къ терновому вѣнцу или къ побѣдѣ. Сынъ огня, проданнаго цо купчей крѣпости, и матери, не забывшей страданій великаго польскаго народа, онъ не могъ не стать революціонеромъ. И революціонному социализму онъ остался вѣренъ втеченіе всей своей жизни и его же онъ привѣтствовалъ, осужденный на смерть.

Родился И. П. 24 іюня 1877 г. въ Варшавѣ и въ 1888 году поступилъ, по ироніи судьбы, въ 1-ю варшавскую, архи-благотворительную, образцовую, Апухтинскую гимназію. Онъ не поддавался вліянію апухтинскихъ педагоговъ. Азіатскія идеи

православія, самодержавія и народности не привились къ его богато одаренной натурѣ и малиновый звонъ византійско-рускаго собора будилъ въ немъ лишь ненависть къ татарско-византійскому самодержавію. За то съ какимъ интересомъ онъ, полу-голодный, нищій дома и преслѣдуемый въ гимназиі, олдѣдиль за русской и польской литературой, и съ какой радостной любовью перечитывалъ случайно попадавшія къ нему изданія Польской Соціалистической Партіи. Отъ нихъ, отъ этихъ маленькихъ брошюръ, напечатанныхъ въ Лондонѣ, изъ Rzędswit'a и Robotnik'a получилъ онъ первые уроки социализма и онъ же поставили передъ нимъ такъ больно мучившій его вопросъ: «куда идти?». Въ 1896 г. онъ окончилъ гимназію, вынося изъ нея уже окрѣпшую ненависть къ самодержавію и ко всему, что такъ старательно внушали ему городовые въ мундирахъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. 1897-98 учебный годъ онъ провелъ въ Москвѣ, живя въ Ляпинкѣ и слушая лекціи на историко-филологическомъ факультетѣ. Тогда же впервые онъ сталъ писать, работая сначала въ «Русскомъ Листкѣ», а затѣмъ въ «Курьерѣ», «Сѣверномъ Краѣ» и друг. русскихъ и польскихъ изданіяхъ. Къ революціонному движенію онъ не примыкалъ еще непосредственно, стараясь разобратъся въ столь модномъ тогда марксизмѣ. Осенью 1898 г. онъ перешелъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета и зима прошла опять исключительно въ занятіяхъ наукой. Но весной 1899 г. вспыхнули большіе студенческіе беспорядки и И. П., принадлежа къ партіи крайнихъ, принялъ въ нихъ живое и видное участіе. Онъ писалъ и печаталъ прокламаціи, агитировалъ въ столовой и въ университетѣ, говорилъ рѣчи и, наконецъ, вошелъ въ образовавшійся въ концѣ марта 3-й Организационный Комитетъ. Кончилось все это арестомъ. После трехъ-мѣсячнаго тюремнаго заключенія онъ былъ высланъ на 2 года подъ надзоръ полиціи въ Екатеринославъ и тамъ впервые принялъ участіе въ активной революціонной работѣ, примкнувъ къ мѣстному комитету социальдемократической партіи. Кончивъ надзоръ и пробывъ короткое время въ Варшавѣ, онъ уѣхалъ за границу и въ январѣ 1902 г. прибылъ во Львовъ. Онъ усердно хотѣлъ учиться, и здѣсь снова поступилъ въ университетъ, гдѣ и слушалъ лекціи, главнымъ образомъ, по исторіи и по философіи. Жилъ онъ, какъ и всю свою жизнь, бѣдной и трудовой жизнью, переводилъ съ русскаго на польскій и съ польскаго на русскій, писалъ корреспонденціи и давалъ уроки. Это спасало его отъ нищеты и давало возможность продолжать такъ грубо прерванное образованіе. Казалось, на этотъ разъ ему удастся пройти полный курсъ интересовавшихъ его наукъ, и полиція не войдетъ въ университетъ, и казаки не будутъ дежурить у аудиторій. Но эта надежда обманула его. Желая ближе по-

знакомится съ недавно появившейся тогда «Искрой», онъ поѣхалъ изъ Львова въ Берлинъ и по дорогѣ, въ пограничномъ городѣ Мысловицахъ, былъ арестованъ прусскими властями. При немъ нашли нѣсколько брошюръ и ММ «Искры». Этого было довольно, чтобы послѣ трехъ-недѣльнаго ареста, выдать его Россіи и запереть въ Варшавскую цитадель. Этотъ арестъ былъ поворотнымъ пунктомъ въ его жизни. Неопредѣленныя, еще колеблющіяся, еще окрашенные социалдемократическимъ оттѣнкомъ, революціонныя стремленія стали мало-по-малу переходить въ твердую увѣренность революціонера, не боящагося никакихъ словъ и готоваго на дѣлѣ доказать справедливость своей программы. Образъ Желябова и Гриневецкаго заслонилъ собою всѣ другіе. Безвозвратно минуло юношеское увлеченье догмой русскаго марксизма. Завѣты Народной Воли стали для него религіей и религіи этой онъ служилъ съ тѣхъ поръ со всей вѣрой и со всей страстью, на какую только была способна его цѣльная и открытая, глубоко демократическая и рѣзко революціонная натура. Лѣтомъ того же года онъ былъ освобожденъ и высланъ до приговора въ Ярославль, гдѣ, занимаясь газетной и литературной работой, впервые вошелъ въ сношенія съ социалистами-революціонерами. Осенью 1903 г. мы видимъ его уже за границей, уже членомъ партіи и уже въ полномъ распоряженіи Центрального Комитета.

Въ дѣлѣ великаго кн. Сергѣя роль его не ограничивается только днемъ 4-го февраля. Въ среду 2-го февраля произошло событіе, ярче всякихъ словъ рисующее трогательную душевную нѣжность и врожденное благородство того, котораго впоследствии судили, какъ убійцу. Стало извѣстнымъ, что вечеромъ этого дня великій князь долженъ быть въ Большомъ театрѣ на спектаклѣ, устроенномъ въ пользу склада великой княгини Елисаветы Федоровны. И. П., со снарядомъ въ рукѣ, ждалъ великокняжескую карету за Иверскими воротами, на Воскресенской площади, около Думы. Онъ подбѣжалъ къ ней, къ этой долгожданной каретѣ, поднималъ руку и тотчасъ же опустилъ ее: въ каретѣ, кромѣ Сергѣя Александровича, сидѣла еще женщина и дѣти, какъ оказалось впоследствии вел. кн. Елисавета Федоровна и дѣти вел. кн. Павла—Дмитрій и Марія Павловна. Вечеромъ, на безлюдной Воскресенской площади И. П., бросивъ снарядъ, могъ бы легко скрыться. Онъ зналъ это, какъ зналъ, что 4-го февраля на многолюдной Тверской у него больше шансовъ на побѣгу, чѣмъ въ открытомъ со всѣхъ сторонъ Кремлѣ. Но онъ не бросилъ снаряда 2-го и 4-го не пошелъ на Тверскую, помня, что могутъ быть ненужныя и невинныя жертвы. Только тѣ, кто знакомъ съ огромной трудностью техники боевыхъ актовъ, оцѣнять вполне весь рискъ и все самоотверженіе такого рѣшенія.

Большая княгиня Елизавета Федоровна, жизнь которой онъ такъ хладнокровно пощадилъ, пришла къ нему, уже арестованному, уже готовому къ смерти, въ тюрьму. Трудно сказать, что руководило ею при этомъ, достоверно одно, что она предлагала ему просить сохранить его жизнь и что онъ съ негодованіемъ отвергъ ея предложеніе. Да и ему ли было принимать милости изъ нечистыхъ рукъ царя, князей и всѣхъ тѣхъ, кто имъ служить...

Въ нашемъ архивѣ сохранилась недомонченная рукопись И. П., относящаяся по времени къ сентябрю 1904 г. Мы печатаемъ выдержки изъ нея не для полемики съ социальдемократами. Не Каляеву, не Сазонову и не Гершуни полемизировать съ ними... Она дорога намъ, какъ живое воспоминаніе о товарищѣ, честно исполнившемъ свой долгъ, цѣнность же ея въ томъ, что на этихъ исписанныхъ и перечеркнутыхъ страницахъ ярко вылилось то почти болѣзненное исканіе, которое постепенно привело его отъ социалдемократической теории къ активному дѣйствию и отъ вопросовъ книги къ живымъ вопросамъ многосложной и не укладывающейся въ шаблонныя рамки жизни. Это не *profession de foi* и еще не исповѣдь. Это только наброски безъ заглавія, но и этихъ набросковъ достаточно, чтобы понять, кого мы потеряли и какъ смотрѣлъ погнѣбшій товарищъ на жизнь и на задачи революціонера.

«Для всякаго начинающаго сознавать свой долгъ передъ родиною интеллигента, пишетъ И. П. Каляевъ, кто бы онъ ни былъ, — крестьянинъ-ли Желябовъ или князь Кропоткинъ, всегда былъ и будетъ наиболѣе мучительнымъ вопросомъ «куда идти»? Этотъ вопросъ стоялъ и предъ нами. Марксизмъ торжествовалъ тогда побѣду, но — посмотрите, сколько было въ ней призрачности. Чѣмъ побѣдилъ марксизмъ народничество? Онъ перенесъ всю умѣренность культурной работы изъ деревни въ городъ. Таковы, по крайней мѣрѣ, были первые шаги нашихъ экономистовъ съ ихъ кружками для развитія рабочихъ, съ ихъ пропагандой на почвѣ мелкихъ нуждъ фабричныхъ. Стачки 96-го года открываютъ новую эру, — болѣе широкой пропаганды и агитации, а столкновенія съ правительствомъ ставятъ вопросъ политическій. Какъ же отозвалось это на нашей молодежи? Если вѣрно, съ одной стороны, что пробудившееся рабочее движеніе революціонизировало студенческую молодежь, то съ другой стороны, болѣе несомнѣнно, что и студенчество оказало свое вліяніе на дальнѣйшее направленіе рабочаго движенія въ Россіи. Въ этомъ отношеніи демонстрація по поводу Ходынки въ Москвѣ, и въ еще большей степени, демонстрація въ Петербургѣ и въ Кіевѣ въ память Вѣтровой, въ которыхъ, впервые послѣ долголѣтняго перерыва, сошлись студенты съ рабочими, имѣютъ без-

спорное значеніе въ исторіи революціоннаго движенія въ Россіи. Кстати, замѣчу, что демонстраціи эти не были устроены социальдемократами, для которыхъ тогда самое слово «демонстрація» казалось чѣмъ то чудовищно страшнымъ».

«99-ый годъ въ еще большей степени революціонизировалъ оппозиціонные элементы, какъ такъ назыв. общества, такъ и рабочаго класса. Это былъ тотъ годъ, когда борьба между политическимъ и экономическимъ направлениемъ впервые разгорѣлась съ такой остротностью. Молодежь, хоть однимъ краешкомъ имѣвшая касательство къ рабочему движению, страстно поднимала знамя борьбы съ самодержавіемъ и многими изъ насъ было тѣсно въ душевыхъ углахъ социальдемократической постепенщины. Мы рвались на улицу и увлекали за собой рабочихъ. Даже наши социальдемократы приободрились. Курсъ «Рабочей Мысли» упалъ. «Рабочее Дѣло», не смотря на оживленіе, должно было уступить значительную часть своего вліянія возродившейся группѣ «Освобожденія Труда».

«1900-й годъ ознаменовался цѣлымъ рядомъ волненій среди рабочихъ, перешедшихъ изъ выжидательной въ наступательную позицію. Палъ Боголѣповъ, разразилось 4-е марта 1901 года. Оживилась и литература. Съ удвоенной энергіей принялись за работу социальдемократы, появились «Рабочее Знаніе», «Южный Рабочій»—все съ ярко политическимъ направлениемъ».

«Наконецъ, за границей начала выходить въ свѣтъ «Искра». Теперь отрадно хоть вспомнить, сколько воодушевленія вселяла «Искра» своими первыми номерами въ революціонную молодежь. Создавалась иллюзія, что вотъ, наконецъ, наши заграничные домогды стряхнуть съ себя гнетъ безвременья, выпрямятся и, идя впередъ, вернутся къ лучшимъ традиціямъ славнаго прошлаго. Но это была только иллюзія,.... хотя еще долго мы продолжали вѣрить, что изъ «Искры» возгорится пламя. Наши заграничные марксисты слишкомъ одражались за 15 лѣтъ безвременья, чтобы пойти въ унисонъ съ нами,—болѣе революціонными элементами изъ молодежи. Статьи Вѣры Засуличъ поразила насъ своимъ безвѣріемъ и благонамѣренностью. Иллюзія все болѣе и болѣе разсѣивалась. «Искра» стала получать протесты, но тѣмъ не менѣе продолжала свое. Книжный духъ прежде легальныхъ марксистовъ слишкомъ рано заразилъ ее своимъ чадомъ. И нужно ли удивляться, что мы встрѣтили съ нескрываемою симпатіей группу «Свобода» и съ еще большимъ восторгомъ «Революціонную Россію».

«Мучительные вопросы революціонной тактики, расширенія революціонной работы и на деревню, волновали насъ теперь еще больше, чѣмъ, въ срединѣ 90-хъ годовъ, вопросъ «куда идти?» Началась полемика «Искры» по дѣлу «Б. О.», въ то самое время, какъ дѣйствительность опровергала ее. Становилось очевиднымъ, что даже наиболѣе яркое политическое

направленіе социальдемократіи не соответствуетъ жизни. «Искра» не сумѣла сдѣлаться совѣтскою революціоннаго движенія въ Россіи, и въ то самое время, какъ волна революціоннаго движенія поднималася все выше и выше, «Искра» надала все ниже и ниже. Получился разладъ, невиданный доселѣ въ исторіи, разладъ между боевой арміею и ея руководителями. «Искра» заблудилась въ тупой уголокъ ортодоксіи, увлекая за собой всю социальдемократію. Апостазомъ этого торжества на собственной могилѣ былъ II-ой съѣздъ».

«Мы присутствуемъ теперь на смѣшномъ, хотя и печальномъ зрѣлищѣ. Гг. ортодоксы, по крайней мѣрѣ, наиболѣе изворотливые изъ нихъ, трубятъ теперь отбой и послѣ того, какъ тактика «что дѣлать» привела ихъ къ кризису, они пишутъ покаянныя статьи и, полные оппортунизма, теперь подають своимъ единомышленникамъ совѣты чего «не дѣлать».

«Невольно тутъ напрашивается на умъ такая параллель. Если 20 лѣтъ назадъ Плехановъ могъ возвѣщать передъ начинавшимся безвременьемъ наступленіе социальдемократическаго періода, то теперь, мы, пережившіе всѣ муки родовъ новаго революціоннаго теченія, съ полнымъ правомъ можемъ сказать: социальдемократическій періодъ кончился, наступилъ періодъ социально-революціонный».

Таковы, въ главныхъ чертахъ, взгляды И. П. Каляева на ходъ развитія русской революціи за послѣднее десятилѣтіе. Социальдемократія не давала яснаго и точнаго отвѣта на вопросы, мучившіе его, и «Искра» не могла стать «совѣтскою революціоннаго движенія». Оставались «иные, чистые, пути тернисты». И онъ, не колеблясь, пошелъ по нимъ.

Бывшій Социальдемократъ.

И. КАЛЯЕВЪ И ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ.

1. Разсказъ И. Каляева о свиданіи.

Мое свиданіе съ великой княгиней произошло вечеромъ 7-го февраля въ канцеляріи арестнаго дома Пятницкой части, куда меня привели нарочно. Я не былъ предупрежденъ о свиданіи, я не звалъ великую княгиню къ себѣ. Когда она вошла ко мнѣ, вся въ черномъ, медленной походкой разбитаго горемъ человѣка, со слезами на глазахъ, я не узналъ ея и первоначально предположилъ, что это должно быть кто нибудь изъ арестованныхъ для опознанія. «Жена я его» — прошептала великая княгиня, приблизившись ко мнѣ. Я не всталъ передъ нею, и она безпомощно опустилась на сосѣдній стулъ и продолжала плакать, опустивъ голову на мои руки.

— Княгиня, — сказалъ я, — не плачьте. Это должно было олу-

читься... Почему со мной говорят только послѣ того, какъ я совершилъ убійство, — сказалъ я въ раздумьи.

— «Вы должно быть много страдали, что вы рѣшились...» заговорила она, но тутъ я прервалъ ее, вкочилъ и въ большемъ возбужденіи отъ ея слезъ громко произнесъ:

— Что изъ того, страдалъ ли я, или нѣтъ. Да, я страдалъ, но мои страданія я слилъ со страданіями миллионъ людей. Слишкомъ много вокругъ насъ льется крови, и у насъ нѣтъ другого средства протестовать противъ жестокостей правительства, противъ этой ужаснѣйшей войны...

— Но почему со мной разговариваютъ только послѣ того, какъ я совершилъ убійство, — повторилъ я, прервавъ свое размышленіе. — Знаете, великая княгиня, когда то, еще мальчикомъ, я часто думалъ о томъ, что такъ много слезъ на свѣтѣ, что столько неправды творится вокругъ, и мнѣ иногда казалось, что вотъ, стоитъ пойти, выплакать свои слезы за всѣхъ — и зло будетъ уничтожено. Но... — тутъ я махнулъ рукою. Я продолжалъ свою мысль, желая испытать княгиню. — Вѣдь если бы я пришелъ и теперь къ великому князю и указалъ ему на всѣ его дѣйствія, вредныя народу, вѣдь меня посадили бы въ сумасшедшій домъ или — что вѣрнѣе — бросили бы въ тюрьму, какъ бросаютъ тысячи людей, страдающихъ за свои убѣжденія. Почему народу не даютъ говорить?

— «Да, очень жалко, что вы къ намъ не пришли и что мы не знали васъ раньше». Великая княгиня произнесла эти слова, я думаю, безъ задней мысли и, повидимому, она искренно пожалѣла, что у насъ убиваютъ только потому, что народу сковали уста.

— Но вѣдь вы знаете, что сдѣлали съ рабочими 9-го января, когда они шли къ царю? Неужели вы думали, это можетъ пройти безнаказанно? Эта ужасная война, которая ведется съ такою ненавистью къ народу... Вы объявили войну народу, мы приняли вызовъ. Я отдалъ бы тысячу жизней, а не одну. Россія должна быть свободной.

— «Но честь, честь родины», — замѣтила она. — Я былъ, повторяю, въ большемъ возбужденіи, такъ что не далъ ей говорить по настоящему.

— Честь родины, — отвѣтилъ я сарказмомъ.

— «Развѣ вы думаете, что и мы не страдаемъ? Развѣ вы думаете, что и мы не желаемъ добра народу?»

— Да, вы теперь страдаете... замѣтилъ я, — а добре... оставимъ въ покоѣ добро. Тѣ, кто, какъ вы говорите, творятъ его одной рукою, а въ другой держатъ за спиной ножъ. Мы оба замолчали, и я сѣлъ. Великая княгиня также успокоилась немного и начала причитывать о великомъ князѣ: что онъ де ждалъ смерти, что изъ за этого онъ покинулъ постъ генералъ-губернатора, что онъ былъ такой хорошій человекъ.

Тутъ я опять прервалъ великую княгиню и, щадя ея чувства, заявилъ: «Не будемъ говорить о великомъ князѣ. Я не хочу съ вами говорить о немъ, я скажу все на судѣ. Вы знаете, что я совершилъ это вполнѣ сознательно. Великій князь былъ опредѣленный политическій дѣятель. Онъ зналъ, чего онъ хотѣлъ».

— «Да, я не могу вести съ вами политическихъ разговоровъ... Я хотѣла бы только, чтобы вы знали, что великій князь простилъ вамъ, что я буду молиться за васъ...»

Мы смотрѣли другъ на друга, не скрою, съ нѣкоторымъ мистическимъ чувствомъ, какъ двое смертныхъ, которые остались въ живыхъ. Я — случайно, она — по волѣ организаціи, по волѣ моей, такъ какъ организація и я обдуманно стремились избѣжать излишняго кровопролитія.

И я, глядя на великую княгиню, не могъ не видѣть на ея лицѣ выраженія благодарности, если не мнѣ, то во всякомъ случаѣ судьбѣ, за то, что она не погибла.

— «Я прошу васъ, возьмите отъ меня на память иконку. Я буду молиться за васъ». — И я взялъ иконку.

Это былъ для меня символъ признанія съ ея стороны моей побѣды, символъ ея благодарности судьбѣ за сохраненіе ея жизни и покаянія ея совѣсти за преступленія великаго князя.

— Моя совѣсть чиста, — повторилъ я, — мнѣ очень больно, что я причинилъ вамъ горе, но я дѣйствовалъ сознательно, и если бы у меня была тысяча жизней, я отдалъ бы всю тысячу, не только одну.

Великая княгиня встала, чтобы уйти. Я также всталъ.

— Прощайте, сказалъ я, повторяю, мнѣ очень больно, что я причинилъ вамъ горе, но я исполнилъ свой долгъ и я его исполню до конца и вынесу все, что мнѣ предстоитъ. Прощайте, потому что мы съ вами больше не увидимся.

2. Письмо И. Каляева къ вел. княгинѣ.

Великая княгиня,

Послѣ Вашего посѣщенія я дважды просилъ у Васъ свиданія и оба раза безуспѣшно. Не считаю себя въ правѣ входить въ разсмотрѣніе мотивовъ Вашего отказа, хотя въ объясненіе дальнѣйшаго долженъ тутъ же отмѣтить, что, по моему, самый этотъ Вашъ отказъ отъ вторичнаго свиданія плохо рекомендуетъ безкорыстіе перваго. Но я на этомъ пока не настаиваю.

Какъ бы то ни было, я былъ вынужденъ до сихъ поръ хранить въ молчаніи то, что хотѣлъ давно сказать Вамъ вслѣдъ за Вашимъ посѣщеніемъ. Я былъ стѣсненъ условіями дознанія, но теперь, когда имя мое установлено и почеркъ мой извѣстенъ, я считаю долгомъ своей совѣсти и чести изложить въ настоящемъ письмѣ къ Вамъ все то, что имѣлъ въ

виду заявить на несостоявшемся второмъ свиданіи съ Вами.

Ваше посѣщеніе, имѣвшее мѣсто при интимной обстановкѣ, 7-го февраля, было для меня такой неожиданностью. Я не звалъ Васъ, Вы сами пришли ко мнѣ. Вы пришли ко мнѣ со своимъ горемъ и слезами, и я не оттолкнулъ Васъ отъ себя, непрощенную гостью изъ вражьяго стана. Вы были такъ безпомощны въ несчастіи, быть можетъ, впервые постучавшемся въ Ваше сердце съ крикомъ ужаса жизни, который насъ всѣхъ окружаетъ. Вы были такъ безсильны въ ничтожествѣ своего развѣнчаннаго величія передъ лицомъ карающаго рока.

Первые членъ императорской фамиліи оклонилъ передъ народнымъ мстителемъ свою голову, отягченную преступленіями династій.

Но я не оттолкнулъ Васъ отъ себя и по другимъ, болѣе интимнымъ побужденіямъ. Вы раздѣлили со мной успѣхъ моего дѣла. Будь Вы въ каретѣ, Вы такъ же погибли бы. Но лишеніе васъ жизни не входило въ планъ дѣйствія Боевой Организациі, и Ваша смерть была бы ненужной случайностью, противъ которой Организациія шла обдуманно. Съ этой точки зрѣнія интересовъ Организациі, я, такъ въ себѣ ненависть ко всему царствующему дому, думалъ о Васъ, «молился за Васъ». Да, я молитвенно не желалъ вашей гибели въ той же степени сознанія, въ какой я сдѣлалъ все, отъ меня зависящее, для того, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ нападенія на великаго князя. То обстоятельство, что Вы остались въ живыхъ, это также моя побѣда, которой, послѣ убійства великаго князя, я былъ радъ вдвойнѣ.

Вы знали объ этомъ, и мнѣ думалось съ перваго же момента свиданія, что за личиной христіанскаго смиренія, съ которымъ Вы пришли ко мнѣ, въ Вашей душѣ скрывалось самое обыкновенное земное чувство благодарности къ судьбѣ за сохраненіе Вашей жизни. Не даромъ Вы убѣждены, что всѣ люди эгоисты. Не это ли чувство благодарности испытывали Вы, когда Вы сжимали мнѣ ту руку, отъ которой, кто знаетъ, будь Вы въ каретѣ, и Вы могли бы погибнуть вопреки всѣмъ моимъ расчетамъ... Не говорило ли въ Васъ тоже самое, тайное, хотя бы и безпредметное, чувство, когда Вы заявляли мнѣ о своихъ «молитвахъ» за меня, въ которыхъ я, счастливый Вашъ врагъ, и не нуждался....

Что же касается меня, то я охотно признаюсь, что моя «молитва», это явствуетъ изъ вышеизложеннаго, была самаго земнаго свойства. Отсюда ясно, что въ моемъ выраженіи «молился» — нѣтъ ничего такого, что могло бы подать поводъ къ обольщенію на счетъ твердости моихъ убѣжденій. Да, я дѣйствительно «молился» за успѣхъ моей партіи, какъ представительницы народа въ борьбѣ съ самодержавіемъ. Я

отдавъ всего себя дѣлу борьбы за свободу рабочаго народа и всѣ мои страданія и надежды облекъ въ ненависть къ самодержавію. Въ этомъ смыслѣ дѣло Боевой Организациі 4-го февраля было и моимъ личнымъ дѣломъ, и я исполнилъ его съ истинно релігіозной преданностью. Въ этомъ смыслѣ я «релігіозный» человекъ, по моему релігію — социализмъ и свобода, а не нравъ и насилие. Моя релігіозность противъ васъ, а не съ вами, что я доказалъ дѣломъ 4-го февраля.

Вы это хорошо почувствовали, нѣсколько разъ умолкая въ страхъ передъ моими рѣзкими репликами Вамъ всякій разъ, какъ разговоръ переходилъ на почву убѣждений, и не даромъ Вы съ покаянной грустью признали то чудовищное зло насилия, противъ котораго мы вынуждены бороться бомбами. Въ этомъ признаніи я видѣлъ признание моей побѣды, покаяніе Вашей совѣсти въ преступленіяхъ великаго князя, и вотъ почему я не отказался принять отъ Васъ иконку (но не цѣловалъ ее, какъ изображено въ газетѣ... бррр....)

Я былъ къ Вамъ сострадателенъ, какъ виновникъ вашего челоуѣческаго страданія, я былъ снисходителенъ къ Вашему релігіозному суевѣрію, какъ побѣдитель на вершинѣ счастья. Да, я жаждалъ Васъ, я не желалъ растравлять Вашу рану признаніями о Вашемъ извергѣ - мужѣ, я щадилъ Васъ именно какъ побѣдитель. И я не думаю, чтобы Вы, уходя со свиданія, не могли почувствовать этого. Я вообще немножко романтикъ въ чувствахъ, а тогда къ тому же былъ такъ счастливъ. Изъ моего разговора съ Вами Вы могли явственно понять, что Вы имѣете дѣло съ челоуѣкомъ, вполне сознательно, по чувству и по убѣжденію, дѣйствовавшимъ противъ великаго князя.

Но я не желалъ говорить съ Вами о личности великаго князя и о мотивахъ исполненнаго надъ нимъ приговора, ибо объ этомъ я буду говорить на судѣ. Я не представилъ бы Вамъ и настоящаго моего объясненія, столь неприятнаго для Васъ, если бы къ тому не привуждало меня и для меня не совсѣмъ пріятное обстоятельство — появленіе въ печати извѣстія о принятіи мною иконки въ тенденціозно-оскорбительномъ для меня освѣщеніи. Не будь этого новаго для меня обстоятельства, и мое объясненіе оказалось бы не нужнымъ до суда, ибо, если у кого либо (конечно, кромѣ Васъ) и могли зародиться втайнѣ обольщеніе на счетъ корыстности принятія мною иконки (при отсутствіи точныхъ данныхъ о нашемъ разговорѣ на свиданіи), то по ходу дознанія, а также на судѣ, для всякаго стала бы очевидной полная неосновательность подобныхъ обольщеній.

Но оставимъ пока въ сторонѣ вопросъ, какъ это случилось, какіе интриганы, несомнѣнно изъ за какихъ то расчетовъ, опубликовали свѣдѣнія о нашемъ свиданіи, какъ о какомъ-то

торжествѣ православія, и, скрывъ самое существенное, открыли просторъ самымъ вольнымъ толкованіямъ о характерѣ нашего свиданія. Подъ личиной безобиднаго извѣщенія о «фактѣ», они бросили въ публику сѣмя клеветы и тревоги за честь революціонера. Они пожелали, быть можетъ, скандализировать мое имя, съ благословенія цензуры и двора, но плохую услугу оказали они Вамъ: они скандализировали и Васъ. Я не звалъ Васъ, Вы сами пришли ко мнѣ: слѣдовательно, вся отвѣтственность за послѣдствія свиданія падаетъ на Васъ. Наше свиданіе произошло, по крайней мѣрѣ съ наружной стороны, при интимной обстановкѣ. Все то, что произошло между нами обоими, не подлежало опубликованію, какъ намъ однимъ принадлежащее. Мы съ Вами сошлись на нейтральной почвѣ, по Вашему же опредѣленію, какъ человекъ съ человекомъ, и, слѣдовательно, пользовались одинаковымъ правомъ инкогнито. Иначе какъ понимать безкорыстіе вашего христіанскаго чувства? Я довѣрлся Вашему благородству, полагая, что ваше оффиціальное высокое положеніе, Ваше личное достоинство можетъ служить гарантіей, достаточной противъ клеветнической интриги, въ которую такъ или иначе были бы замѣшаны и Вы. Но Вы не побоялись оказаться замѣшанной въ нее: мое довѣріе къ Вамъ не оправдалось.

Клеветническая интрига и тенденціозное изображеніе нашего свиданія на лицо. Спрашивается: могло-ли произойти и то, и другое помимо Вашего участія, хотябы пассивнаго, въ формѣ непротивленія, обратное дѣйствіе которому было обязанностью Вашей чести? Отвѣтъ данъ самимъ вопросомъ, и я рѣшительно протестую противъ приложенія политической мѣрки къ доброму чувству моего снисхожденія къ Вашему горю. Мои убѣжденія и мое отношеніе къ царствующему дому остаются неизмѣнными, и я ничего общаго не имѣю какой либо стороною моего «я» съ религіознымъ суевѣріемъ рабовъ и ихъ лицемѣрными владыками.

Я вполне сознаю овою ошибку: мнѣ слѣдовало отнестись къ Вамъ безучастно и не вступать въ разговоръ. Но я поступилъ съ Вами мягче, на время свиданія затаявъ въ себѣ ту ненависть, съ какой естественно я отношусь къ Вамъ. Вы знаете теперь, какія побужденія руководили мною. Но Вы оказались недостойной моего великодушія. Вѣдь для меня несомнѣнно, что это Вы—источникъ всѣхъ сообщеній обо мнѣ, ибо кто же бы осмѣлился передавать содержаніе нашего разговора съ Вами, не спросивъ у Васъ на то позволенія (въ газетной передачѣ оно исковеркано: я не объявлялъ себя вѣрующимъ, я не выражалъ какого либо раскаянія).

Но я вѣдь также заинтересованная сторона, если Вы, великая княгиня, имѣли элементарному правилу частнаго свиданія, нарушивъ интимность бесѣды. Я оказалъ уваженіе

Вашему религиозному чувству, хотя бы и внѣшнее, — почему же Вы допустили оскорбленіе моего чувства снисхожденія къ Вамъ, зная, что защитить себя отъ навѣтовъ до суда я лишенъ всякой возможности.

Можетъ показаться страннымъ, что я протестую противъ гласности, противъ опубликованія фактическихъ данныхъ. Но это представленіе ложное: я противъ тенденціознаго освѣщенія «фактовъ», противъ намѣренной клеветы. Почему Ваши агенты умолчали обо всемъ, неприятномъ для Васъ, изъ моего разговора съ Вами? Почему Вы не опубликовали моего признанія Вамъ, что великій князь былъ убитъ, какъ вредный народу политическій дѣятель, что я дѣйствовалъ противъ него сознательно, что мнѣ не въ чемъ раскаиваться, такъ какъ моя совѣсть чиста. Почему Вы не упомянули о томъ чувствѣ возмущенія, съ которымъ я говорилъ про войну, про жестокости правительства, почему Вы не опубликовали моего замѣчанія, что если бы у меня была тысяча жизней, я отдалъ бы всю тысячу, что я исполню свой долгъ до конца... Все это скрыто отъ публики, сообщены безобидно одни «факты»...

Въ результатъ я получилъ незаслуженное оскорбленіе, но пусть моя жизнь, мое дѣло и мое поведеніе на судѣ и слѣдствіи свидѣтельствуютъ о моей честности.

Иванъ Каляевъ.

24-го марта 1905 г.

3. Стихотвореніе И. Каляева.

Товарищъ, съ мятежной, но чуткой душой,
Соратникъ мой, другъ и опора!—
Къ тебѣ обращаюсь предъ смертью съ тоской
И жду отъ тебя приговора.
Оконченъ мой путь и борьбы, и тревогъ,
Готовъ умереть я безъ страха.
Я счастливъ сознаньемъ: я сдѣлалъ, что могъ,
Не страшны палачъ мнѣ и плаха.
Меня не пугаетъ и ядъ клеветы,—
Твой судъ лишь порою тревожитъ:
Поймешь ли движенья души моей ты,
Иль слѣпо осудишь, быть можетъ?
Но если невольнымъ виновникомъ я
Сталъ грусти твоей и смятенья,—
Прими ты признанье мое, какъ судья,—
Суди же мое прегрѣшенье.
За кровь и за слезы народа я мстилъ ч.
Всю жизнь мою несъ безъ остатка.
Я громомъ лукаваго змѣя убилъ,—
Побѣдой окончилась схватка.
И хлынулъ вдругъ чувствъ накипѣвшихъ потокъ,

Встревоженный бурей душевной:
И радость, и ужасъ, и муки тревогъ
Слились въ одинъ крикъ полногнѣвный.
И, вѣрный обѣту борьбы, я въ рѣчахъ
Былъ дерзокъ и гордъ предъ врагами,
Смѣялся въ лицо я имъ, видя ихъ страхъ,
И мстилъ имъ насмѣшки словами.
Такъ счастья грозой въ бурномъ сердцѣ моемъ
Откликнулось мщенія эхо.
Мой духъ опьянила восторга виномъ
Веселая чара успѣха.
И чудилось мнѣ, что въ кругу я друзей,
Бесѣдую съ ними о боѣ
И радуюсь съ ними, что въ схваткѣ моей
Погибъ *ома одимъ*,—не *изъ дее...*
Вдругъ женщина въ черномъ, какъ призракъ, вошла.
«Жена я его...»—мнѣ сказала...
И за руку крѣпко, присѣвши, взяла
И, глядя въ лицо мнѣ, рыдала...
И вспомнилъ я слезы, и эту печаль,
Я мать свою вспомнилъ родную,
Когда уходилъ я въ безвѣстную даль,
Склонившіеся къ ея поцѣлюю...
Отъ траура вѣяло скорбью могилъ,
Въ слезахъ ея чудилась рана...
И я не отринулъ ея,—пощадилъ
Рабыню изъ царскаго стана.
Клянусь, я достойно держался предъ ней,
Въ словахъ моихъ не было лести:
Я дерзокъ былъ такъ же, какъ въ схваткѣ моей;
Берегъ мое знамя и чести.
Когда прошептала она мнѣ: «Зачѣмъ?
Уже-ль нѣтъ другого похода?»...
Я гнѣвно отвѣтилъ, что смерть будетъ во мнѣ,
Кто кровь проливаетъ народа.
Но тайное чувство врывалось въ мой духъ;
Я видѣлъ ее предъ собою,
И радость за жизнь ея высказалъ вслухъ.
Она вострепнулась душою
И молвила нервно: «Молюсь я за васъ»,—
Какъ будто хотѣла признаться,
Что мнѣ благодарна неволью сейчасъ,
Что съ жизнью ей трудно разстаться...
Она предо мною склонила чело,
Въ раздумьи вздохнула глубоко
И съ грустью признала насилія аме
Предъ силой карающей рока.

Я счастливъ былъ счастьемъ завѣтнаго дня.

Она мнѣ дала на прощанье

Иконку: «на память»,—сказавъ, «отъ меня».

Я принялъ, какъ символъ признанья...

«Исполнилъ я долгъ свой»,—сказалъ я ей вслѣдъ,—

«И всѣ испытанья приму я.

«Я вынесу тяжесть всѣхъ горестныхъ бѣдъ,

«Пойду умирать я, ликуя.

«Народу и намъ объявили войну,—

«Мы приняли вызовъ холодный:

«Я тысячу жизней отдамъ, не одну:

«Россія должна быть свободной»...

Гроза пронеслась, но мой духъ устоялъ,

Остался, какъ былъ, непокорнымъ;

Изъ чувства глубинъ возсіялъ идеалъ,

Мысль блещетъ огнемъ благотворнымъ...

Свобода всевластна, безсмертна она,

Владычица новаго вѣка.

Во мнѣ, какъ въ миллионѣхъ, она рождена

Страданьемъ живымъ человѣка.

Она не прощаетъ тиранамъ обидъ

И, мощное чувство воплощенье,

Свой судъ всенародный надъ ними творить,

Но знаетъ предѣлы отмщенья.

Она презираетъ всю низость клеветъ,

Чиста предъ корыстнымъ расчетомъ,

И твой лишь, товарищъ, пытается отвѣтъ,

Спокойная предъ эшафотомъ...

Суди же, судья, безкорыстный мой грѣхъ,

Рожденный стремительнымъ боемъ

И счастьемъ, вѣнчающимъ яркій успѣхъ...

Товарищъ, я не былъ героемъ.

Всю жизнь съ человѣкомъ я сердцемъ страдалъ,

Я мстилъ за него возмущеньемъ

И радостей боя такъ долго я ждалъ,

Съ молитвеннымъ ихъ предвкушеньемъ.

Мечтательный умъ мнѣ природа дала,

Отвагу и пылъ къ порыванью....

Ахъ, ненависть въ сердцахъ такъ жизнь разожгла

И чуткость внушила къ страданью.

Не трогай моихъ убѣждений, судья:

Я вѣрю великихъ завѣту.

Сынъ крови и горя народнаго я,

Я шелъ неизмѣнно къ разсвѣту...

И вѣрю я твердо, въ могилу сходя,

Что солнце любви золотое,

Кровавой зарю надъ міромъ взойдя,

Разсвѣтъ насилье людское.
То встанетъ рабочихъ несмѣтная рать
Со знаменемъ краснымъ разсвѣта,
Чтобъ на небѣ кровью своей клнчъ начертать:
«Свободы намъ, хлѣба и свѣта!»...
И, если не хватитъ испытанныхъ силъ,
Чтобъ свергнуть насилія троны,
То мертвые встанутъ изъ братскихъ могилъ
И двинутъ впередъ легіоны.
Пусть врагъ кровожадный, на пиръ свой снѣша,
Мое изуродуетъ тѣло.
Я счастливъ: простора искала душа
Въ борьбѣ за народное дѣло.
Пусть недругъ лукавый мой прахъ оскорбитъ,
Пусть другъ побойтся быть другомъ:
Свободный наследникъ мой грѣхъ мнѣ проститъ
И честь мнѣ воздастъ по заслугамъ...

ОВВИНИТЕЛЬНЫЙ АКТЪ

о неизвѣстнаго званія челоѣкѣ, около 30 лѣтъ, задержанномъ съ паспортомъ на имя витебскаго мѣщанина Алексѣя Шильника.

4 февраля 1905 г. въ Москвѣ, въ то время, когда его императорское высочество великій князь Сергій Александровичъ проѣзжалъ въ каретѣ изъ Николаевскаго дворца на Тверскую, на Сенатской площади, въ разстояніи 65 шаговъ отъ Никольскихъ воротъ, неизвѣстный злоумышленникъ бросилъ въ карету его высочества бомбу. Варывомъ, происшедшимъ отъ разорвавшейся бомбы, великій князь былъ убитъ на мѣстѣ, а сидѣвшему на козлахъ кучеру Андрею Рудинкину были причинены многочисленныя тяжкія тѣлесныя поврежденія. Тѣло въ боѣзъ почившаго великаго князя оказалось обезображеннымъ, причемъ голова, шея, верхняя часть груди съ лѣвымъ плечомъ и рукою были оторваны и совершенно разрушены, лѣвая нога переломлена, съ раздробленіемъ бедра, отъ котораго отдѣлились нижняя его часть, голень и стопа. Силою произведеннаго злоумышленникомъ взрыва кузовъ кареты, въ которой слѣдовалъ великій князь, былъ расщепленъ на мелкіе куски, и кромѣ того были выбиты стекла наружныхъ рамъ ближайшей къ Никольскимъ воротамъ части зданія судебныхъ установленій и расположеннаго противъ этого зданія арсенала.

Первымъ къ мѣсту взрыва прибѣжалъ стоявшій на посту на Сенатской площади полицейскій служитель Леонтьевъ, который среди нѣсколькихъ лицъ, собравшихся на троттуарѣ, замѣтилъ окровавленнаго челоѣка въ изорванной поддевкѣ, пытавшагося скрыться. Заподозрѣвъ въ немъ виновника злодѣянія, Леонтьевъ немедленно задержалъ его, при чемъ обнаружилъ у него заряженный револьверъ, относительно котораго арестованный заявилъ, что оружіе это приготовлено имъ для того, кто первый его задержитъ.

По доставленіи въ ближайшій полицейскій участокъ задержанный челоѣкъ, при которомъ оказался нигдѣ не прописанный паспортъ на имя витебскаго мѣщанина Алексѣя Шильника, объяснилъ, что онъ

состоит членомъ Боевой Организациі партіи социалістовъ-революціонеровъ, по приговору которой онъ убилъ великаго князя Сергѣя Александровича, и что званія своего онъ открыть не желаетъ.

На произведенномъ по настоящему дѣлу предварительномъ слѣдствіи показаніями свидѣтелей Леонтьева, Розенко, Евсѣева, Родионова, Анкина, Виноградова и Губина вполне установлено, что задержанный первымъ изъ нихъ человѣкъ есть тотъ самый злоумышленникъ, который бросилъ въ карету великаго князя разрывной снарядъ. При этомъ свидѣтель Губинъ удостовѣрилъ, что у злоумышленника вслѣдъ за его задержаніемъ оказались ссадины и мелкія пораненія на лицѣ и двѣ крупныя ссадины на лѣвомъ плечѣ.

7 февраля кучеръ великаго князя Андрей Рудинкинъ, не смотря на оказанную ему медицинскую помощь, скончался. Врачи-эксперты пришли къ тому заключенію, что смерть Рудинкина произошла отъ обширныхъ и многочисленныхъ поврежденій, вызвавшихъ гнилокровіе, и что поврежденія эти относятся къ разряду тяжкихъ и угрожающихъ жизни.

Исслѣдованіемъ сохранившихся остатковъ одежды великаго князя и кусковъ разрушенной одежды, произведеннымъ черезъ эксперта, заслуженнаго профессора Михайловской артиллерійской академіи генерал-маіора Забудскаго, выяснено, что взрывъ, которымъ былъ убитъ великій князь, послѣдовалъ отъ брошеннаго метательнаго снаряда, что снарядъ разорвался внутри кареты, въ которой слѣдовалъ великій князь, что снарядъ имѣлъ тонкую жесткую оболочку, раздробившуюся при взрывѣ на мелкіе осколки, и что наибольшее дѣйствіе снаряда было сверху.

Кромѣ того куски одежды великаго князя и вырѣзки изъ вещей кучера Андрея Рудинкина были подвергнуты химико-микроскопическому исслѣдованію, которымъ установлено, что въ снарядѣ, брошенномъ въ карету великаго князя, находился тотъ сортъ динамита, который извѣстенъ подъ названіемъ кизель-гуръ-динамита.

Привлеченный въ качествѣ обвиняемаго въ принадлежности къ преступному обществу, поставившему своею цѣлью насильственное ниспроверженіе установленнаго въ Россіи законами основными образа правленія и имѣвшему въ своемъ распоряженіи средства для взрыва, въ умышенномъ лишеніи жизни великаго князя Сергѣя Александровича и въ убійствѣ по непрямому умыслу Андрея Рудинкина, человѣкъ, задержанный полицейскимъ служителемъ Леонтьевымъ, отказался представить какія либо объясненія, какъ по существу предъявленныхъ ему обвиненій, такъ и относительно своего званія.

Что касается отобраннаго отъ обвиняемаго паспорта на имя витебскаго мѣщанина Алексѣя Шильника, то паспортъ этотъ оказался подложнымъ.

Изъ протокола осмотра производства С.-Петербургской судебной палаты по дѣлу о купеческомъ сынѣ Сазоновѣ и мѣщанинѣ Симорскомъ, обвинявшихся въ государственныхъ преступленіяхъ, видно, что преступное сообщество, именующееся партіею социалістовъ-революціонеровъ, поставило своей задачей ниспроверженіе установленнаго въ Россіи законами основными образа правленія и что изъ этого сообщества выдѣлилась, какъ особая часть его, Боевая Организациія социалістовъ-революціонеровъ, принявшая на себя выполнение для указанной задачи террористическихъ актовъ, выражающихся въ убій-

ствахъ, при чемъ членами этой преступной организаціи при учиненіи преступныхъ посягательствъ примѣнялись иногда разрывные снаряды.

На основаніи этого неизвѣстнаго званія человѣкъ около 30 лѣтъ, обвиняется: 1) въ томъ, что въ 1905 г. принялъ участіе въ преступномъ сообществѣ, присвоившемъ себѣ наименованіе «Боевой Организаціи партіи социалистовъ-революціонеровъ» и составившемся для учиненія насильственнаго посягательства на измѣненіе въ Россіи установленнаго законами основнымъ образа правленія, зная при томъ, что означенное сообщество имѣло при томъ въ своемъ распоряженіи средства для взрыва; 2) въ томъ, что 4 февраля 1905 г., въ г. Москвѣ, въ видахъ осуществленія указанной выше цѣли, умышленно лишилъ жизни его императорское высочество великаго князя Сергѣя Александровича посредствомъ метательнаго снаряда и, зная и предвидя, что отъ предпринимаемаго имъ сего посягательства должна подвергнуться опасности жизнь кучера его высочества, Андрея Рудинкина, не смотря на это, бросилъ упомянутый снарядъ въ карету великаго князя, которую управлялъ Рудинкинъ, послѣдствіемъ чего было причиненіе смертельныхъ поврежденій Рудинкину, повлекшихъ за собою его смерть, т. е. въ преступныхъ дѣяніяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 102 (ч. 1 и 2) и 105 Уголовнаго уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ.

Вслѣдствіе сего, согласно высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему 9 марта 1905 г., и на основаніи ст. 1032 (п. 2) и 1304 (п. 3) устава угол. судопроизводства въ редакціи закона 7 іюня 1904 г. неизвѣстнаго званія человѣкъ, задержанный съ паспортомъ на имя Алексѣя Шильника, передается суду Особаго Присутствія правительствующаго сената съ участіемъ сословныхъ представителей.

Составленъ марта 23 дня 1905 г. въ С.-Петербургѣ.

Подлинный подписалъ и. о. прокурора Особаго Присутствія правит. сената для сужденія дѣлъ о государственныхъ преступленіяхъ Щегловитовъ.

ОТЧЕТЪ О ЗАСѢДАНІИ СУДА.

Дѣло объ И. П. Каляевѣ слушалось въ Особомъ Присутствіи Сената 5 апрѣля 1905 г. Предсѣдательствовалъ Дрейеръ, присутствовали сенаторы: Бобринскій, Варваринъ, Ширинскій-Шихматовъ, Зволянский, Куровскій; сословные представители губ. предвод. дворян. Гудовичъ, моск. гор. голова Голицынъ, и Ябургскій волостной старшина. Засѣданіе происходитъ при закрытыхъ дверяхъ. Публику составляли нѣсколько жандармскихъ офицеровъ, членовъ магистратуры, лицъ прокурорскаго надзора и мать подсудимаго. Сестра его не была допущена въ залъ засѣданія.

Послѣ объявленія засѣданія открытымъ былъ введенъ И. П. Каляевъ. Онъ блондинъ, средняго роста, худощавый, слабого тѣлосложенія; держится спокойно и хладнокровно, съ отгнкомъ презрительности.

— «Подсудимый Иванъ Каляевъ, — раздается голосъ предсѣдательствующаго—получили ли вы обвинительный актъ?»

— «Прежде всего — фактическая поправка: я не подсудимый, я — вашъ плѣнникъ. Мы — двѣ воюющія стороны. Вы

— наемные слуги капитала и императорскаго правительства, я — народный мститель, социалист-революционеръ...»

— Я Вамъ запрещаю продолжать. Секретарь, прочтите списокъ свидѣтелей.

Послѣ прочтенія списка Каляевъ заявляетъ, что имѣетъ, со своей стороны, предъявить одно требованіе. Предсѣдатель не даетъ ему слова. Каляевъ настаиваетъ, въ совершенно спокойной и законной формѣ. Предсѣдатель распорядается его вывести—и Каляева уводятъ... Защитники — Ждановъ и Мандельштамъ—ходатайствуютъ о перерывѣ засѣданія на 10 минутъ, дабы имѣть возможность обсудить вмѣстѣ съ подсудимымъ дальнѣйшее свое положеніе въ процессѣ. Предсѣдатель и въ этомъ отказывается...

Защитникъ В. А. Ждановъ заявляетъ тогда, что въ такомъ случаѣ онъ считаетъ невозможнымъ и безцѣльнымъ дальнѣйшее свое пребываніе въ залѣ засѣданія. Вслѣдъ за этимъ онъ удаляется.

Наконецъ, защитникъ Мандельштамъ получаетъ разрѣшеніе видѣться съ подсудимымъ и тоже удаляется.

«Процессъ» продолжается въ отсутствіе и «подсудимаго», и защиты...

Но черезъ нѣсколько минутъ предсѣдатель вновь распорядается вывести Каляева. Съ нимъ вмѣстѣ возвращается и защита. Каляевъ, по окончаніи чтенія обвинительнаго акта, вновь предъявляетъ свое требованіе — на этотъ разъ безпрепятственно. Оказывается, что Каляевъ ранѣе самъ избралъ своимъ защитникомъ Н. В. Тесленко, который, только въ виду отсутствія изъ Москвы, былъ замѣненъ другими. Въ настоящее время Тесленко, ранѣе изучившій все дѣло, возвратился. Каляевъ требуетъ допущенія его къ защитѣ. Ждановъ и Мандельштамъ поддерживаютъ это требованіе. Предсѣдатель отказывается, не мотивируя ничѣмъ, кромѣ краткаго: «довольно и двухъ этихъ».

Предсѣдатель обращается къ Каляеву, по прочтеніи обвинительнаго акта, съ обычнымъ вопросомъ—признаетъ ли онъ себя виновнымъ.

Каляевъ отвѣчаетъ просто и спокойно: «Признаю, что смерть вел. кн. Сергѣя произошла отъ моей руки, но виновнымъ себя въ этомъ не признаю по мотивамъ нравственнаго содержанія».

— «Не можете ли Вы это намъ выяснить?» — спрашиваетъ предсѣдатель.

Каляевъ кратко объясняетъ мотивы, побудившіе Боевую Организацию приговорить вел. кн. къ смерти. Убитый былъ однимъ изъ видныхъ представителей и руководителей реакціонной партіи, господствующей въ Россіи. Партія эта мечтаетъ о возвращеніи къ мрачнѣйшимъ временамъ Александра III,

культъ имени котораго она исповѣдуетъ. Дѣятельность, вліяніе вел. кн. Сергѣя тѣсно связано со всѣмъ царствованіемъ Николая II, отъ самаго начала его. Ужасная ходынская катастрофа и роль въ ней Сергѣя была вступленіемъ въ это злосчастное царствованіе. Расслѣдовавшій еще тогда причины этой катастрофы гр. Паленъ сказалъ, въ видѣ заключенія, что нельзя назначать безотвѣтственныхъ лицъ на отвѣтственные посты. И вотъ, Боевая Организациа П. С.-Р. должна была безотвѣтственного передъ закономъ великаго князя сдѣлать отвѣтственнымъ передъ народомъ.

Конечно, чтобы подпасть подъ революціонную кару, вел. кн. Сергѣй долженъ былъ накопить и накопилъ безчисленное количество преступленій передъ народомъ. Дѣятельность его проявлялась на трехъ различныхъ поприщахъ. Какъ московскій генераль-губернаторъ, онъ оставилъ по себѣ такую память, которая заставляетъ блѣднѣть даже воспоминаніе о пресловутомъ Закревскомъ. Полное пренебреженіе къ закону и безотвѣтственность вел. князя сдѣлали изъ Москвы, поистинѣ, какое то особое великокняжество. Преслѣдованіе всѣхъ культурныхъ начинаній, закрытіе просвѣтительныхъ обществъ, гоненіе на бѣдняковъ-евреевъ, опыты политическаго возвращенія рабочихъ, преслѣдованіе всѣхъ протестующихъ противъ современнаго строя— вотъ въ какого рода дѣяніяхъ выражалась роль убитаго, какъ маленькаго самодержца Москвы. Во вторыхъ, какъ лице, занимающее видное мѣсто въ правительственномъ механизмѣ, онъ былъ главой реакціонной партіи, вдохновителемъ всѣхъ репрессивныхъ попытокъ, покровителемъ всѣхъ наиболее яркихъ и видныхъ дѣятелей политики насильственнаго подавленія всѣхъ народныхъ и общественныхъ движеній. Еще Плевае заѣзжалъ къ вел. кн. Сергѣю за совѣтами передъ своей знаменитой поѣздкой въ Троицкую Лавру, за которой послѣдовала поѣздка на усмиреніе полтавскихъ и харьковскихъ крестьянъ. Его другомъ былъ Сипягинъ; его ставленникомъ былъ Боголѣповъ, затѣмъ Звѣревъ. Все политическое направленіе правительства отмѣчено его вліяніемъ. Онъ боролся противъ слабой попытки смягченія желѣзнаго режима Святополкомъ-Мірскимъ, объявляя, что «это—начало конца». Онъ проводитъ на мѣсто Святополка своихъ ставленниковъ, Булыгина и Трепова, роль котораго въ кровавыхъ январскихъ событіяхъ слишкомъ извѣстна. — Наконецъ, третье поприще его дѣятельности, гдѣ роль его была наиболее значительной, хотя и наименѣе извѣстной: это—личное вліяніе на царя. «Дядя и другъ государевъ» выступаетъ здѣсь, какъ наиболее безопасный и неуклонный представитель интересовъ династіи.

Противъ такой политики борются всѣ революціонныя организаци; она и ея представители возбудили глубокую нена-

висть широких народных массъ. Близокъ послѣдній расчетъ съ ними. Смерть трехъ этикъ оставленниковъ — Боголѣпова, Сипягина и Плева — является тройнымъ предостереженіемъ самодержавію, исходящимъ отъ главнѣйшихъ дѣятелей революціи. Убійствомъ Сергѣя убивается вданіе этихъ роковыхъ предостереженій.

— «Такъ значитъ — прерываетъ его предсѣдатель — вы себя также считаете однимъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей своей партіи?»

— «Въ этомъ дѣлѣ — отвѣчаетъ Каляевъ — моя личность не играетъ никакой роли и не имѣетъ никакого значенія».

— «А скажите, — задаетъ новый вопросъ предсѣдатель, — если бы вамъ удалось ускользнуть отъ преслѣдованія, вы продолжали бы вашу дѣятельность?»

Каляевъ медленно, раздѣльно отвѣчаетъ:

— «Я исполнилъ 4-го февраля свой долгъ, и думаю, что и впредь бы исполнилъ его. Отвѣчая такимъ образомъ, я думаю, что снова исполняю свой долгъ».

Прокуроръ отказывается отъ допроса свидѣтелей, но защита настаиваетъ на немъ. При допросѣ выясняется, что Каляевъ никакихъ попытокъ къ бѣгству не дѣлалъ. Ничего новаго допросъ болѣе не далъ, и судъ переходитъ къ преніямъ сторонъ.

Прокуроръ Щегловитовъ заявляетъ, что не можетъ остановиться на однихъ фактическихъ доказательствахъ, которыя очевидны. Этого недостаточно, ибо важна и нравственная сторона дѣянія. Принадлежность Каляева къ Партіи Соціалистовъ-Революціонеровъ опредѣляетъ, во что вѣрить и къ чему стремится Каляевъ. Партія эта характеризуется страшной вѣрой въ правоту своихъ убѣжденій. Но вѣра эта не испытана на горнилѣ науки и разума. Потому-то и отличаются ея приверженцы такой самонадѣянностью и самоиѣніемъ, потому то и жертвуютъ они такъ легко чужой жизнью, отнимать которую у человѣка никто не имѣетъ права, ради достиженія своихъ цѣлей. Насильственнымъ путемъ стремятся они къ ниспроверженію основъ государства и покушаются на самое бытіе его. Кровью стремятся они уничтожить высшее благо — общественность. Всѣ государства поняли весь ужасъ такой дѣятельности и борются противъ нея. На Женевскомъ конгрессѣ постановлено международное обязательство выдавать преступниковъ этого рода.

Затѣмъ прокуроръ доказывалъ, что дѣяніе Каляева не можетъ не быть признано жестокимъ; это полное безразличіе къ жизни другихъ; благодаря такому безразличію дѣйствія революціонныхъ партій въ Россіи привели къ пролитію цѣлаго моря крови и слезъ. Смертныи приговоръ при такихъ условіяхъ — дѣло общественной самозащиты.

Послѣ рѣчей защитниковъ и заключительнаго слова Калыева (см. ниже) судъ удаленъ для совѣщанія. Въ 3 часа объявленъ приговоръ. Калыевъ признанъ виновнымъ: 1) въ принадлежности къ тайному сообществу, стремящемуся путемъ убійствъ ниспровергнуть установленный основными законами образъ правленія; за эту вину «въ виду, отсутствія и тѣни раскаянія», онъ подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія, установленной закономъ, то есть 8 годамъ каторжныхъ работъ; 2) «въ умышленномъ лишеніи жизни дяди царствующаго императора, Е. И. В. вел. кн. Сергія Александровича», въ видахъ осуществленія цѣли сообщества; за эту вину онъ, согласно закону, подлежитъ лишенію всѣхъ правъ состоянія и смертной казни; и 3) «въ томъ; что, хотя и безъ прямого умысла лишить жизни кучера А. Рудинкина, но зная и предвидя, что отъ разрыва метательнаго снаряда должна подвергнуться опасности и его жизнь», онъ, тѣмъ не менѣе, бросилъ снарядъ, причинившій Рудинкину тяжкія тѣлесныя поврежденія, отъ которыхъ послѣдній умеръ; за это Калыевъ подлежитъ высшей мѣрѣ наказанія, установленной закономъ, т. е. лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы на 15 лѣтъ. По совокупности рѣшеніе гласитъ: подвергнуть Калыева, по лишенію всѣхъ правъ состоянія, смертной казни черезъ повѣшеніе.

Выслушавъ приговоръ, Калыевъ сказалъ:

«Я счастливъ вашимъ приговоромъ; надѣюсь, что вы рѣшитесь исполнить его надо мною такъ же открыто и всеародно, какъ и я исполнилъ приговоръ Партия Соціалистовъ-Революціонеровъ.»

«Учитесь смотрѣть прямо въ глаза надвигающейся революціи.»

РѢЧЬ МАНДЕЛЬШТАМА.

Это было годъ назадъ въ Петербургѣ.

На вашихъ креслахъ сидѣли члены военнополового суда; на скамьѣ подсудимыхъ—Боевая Организція. Гершуни давалъ объясненія. Рѣчь шла объ отношеніи партіи соціалистовъ-революціонеровъ къ Боевой Организціи. «Центральный Комитетъ намѣчаетъ іерархически должностныхъ лицъ, на которыхъ Боевая Организція вправе совершать покушенія. Внутри этого круга Боевая Организція дѣйствуетъ за свой страхъ и рискъ, совершенно свободно и самостоятельно». «До какого же іерархическаго положенія партія разрѣшила теперь дѣлать покушенія?»—задаетъ вопросъ председатель. Срѣжь гробового молчанія, въ которомъ можно было бы слышать полетъ мухи, при общемъ напряженномъ вниманіи всей залы, своимъ ровнымъ, металлическимъ голосомъ отчеканивая каж-

дое слово, Гершуни отвѣчаютъ: «На всѣхъ, кромѣ лицъ царской фамилии!» Трижды былъ повторенъ вопросъ, и трижды Гершуни повторилъ: «Пока лицъ царской фамилии рѣшено не трогать!» Это «пока» такъ и осталось висѣть неопредѣленной, но вѣчной угрозой. Прошелъ годъ, и это «пока» сорвалось со своихъ петель и всей своей тяжестью упало надъ каретой великаго князя. Что же произошло? Пересмотрѣла ли партія свое рѣшеніе, или въ лицѣ Сергѣя Александровича она видѣла прежде всего московскаго генераль-губернатора, активнаго дѣятеля реакціонной партіи, а уже потомъ великаго князя, члена царствующаго дома? Власть генераль-губернатора представляется вообще самой сильной изъ всѣхъ близкихъ къ населенію властей, но когда она распространяется не на цѣлый край, даже въ сущности не на губернію, а на одинъ городъ, то можно смѣло сказать, что изъ этой стороны жизни населенія, которая такъ или иначе не соприкасалась бы съ чрезвычайными, часто надзаконными полномочіями генераль-губернатора. Все, что дѣлалось въ столицѣ, дѣлалось авторитетомъ генераль-губернатора, его именемъ, его властью. Закрывалось ученое общество—кто виноватъ? Генераль-губернаторъ. Опротестовывалось постановленіе думы или земства, на кого сыпались нареканія—на генераль-губернатора. Высылались студентами десятками, сотнями,—по чьему приказанію? Подавлялась насиліемъ мирная демонстрація учащейся молодежи—чьимъ именемъ? Издаются исключительный законъ,—чьему вліянію приписывается чрезвычайная мѣра? Вездѣ, во всемъ и всегда генераль-губернаторъ. Вполнѣ естественно, что такая сильная, совершенно исключительная власть, имѣющая законную возможность нарушать самыя элементарныя права гражданъ, вызываетъ постоянное недовольство и постоянное раздраженіе населенія. Въ обычныхъ условіяхъ жизни это недовольство находитъ себѣ хотя нѣкоторый исходъ въ правѣ обжалованья, какъ ни слаба, иногда прямо призрочна, надежда на успѣхъ, какъ ни трудна у насъ борьба съ престижемъ власти—право законнаго обжалованья остается хотя на бумагѣ, въ идѣѣ. Но когда генераль-губернаторъ принадлежитъ къ царствующей фамилии, когда въ его лицѣ городъ имѣетъ «дядю и друга государя»,—тогда никакая правовая борьба съ властью не мыслима. Вы слышали рассказъ подсудимаго, но его словамъ въ министерствѣ не стѣснялись заявлять прямо и открыто: «На Мосиву наша власть не распространяется: Москва—Великое Княжество». А вѣдь Москва—столица, громадный промышленный центръ, городъ съ сильно развитой культурной жизнью, съ миллионнымъ населеніемъ. Не могла она примириться съ исключительностью своего положенія, не могла примириться съ своимъ вѣзаконнымъ положеніемъ громадной вотчины. И недовольство росло, не на-

ходя себѣ законнаго исхода, накоплялось, какъ накопляются пары въ наглухо закупоренномъ котлѣ. Общественная мысль шла дальше, отъ частнаго перехода къ общему, отъ мѣстной жизни къ центральной. Видя проявленіе взглядовъ великаго князя въ повседневной жизни |столицы, испытывая на себѣ его политическія симпатіи и антипатіи, общество приписывало его влиянію тѣ или иные теченія въ общей имперской политикѣ. Оно видѣло, какъ ближайшіе сотрудники Сергѣя Александровича занимали отвѣтственные министерскіе посты въ государствѣ, какъ оттуда, изъ этой таинственной бюрократической лабораторіи по всей Россіи разливались прокты сильной власти, сословныхъ привилегій, подавленія общественной мысли и самодѣятельности. Сипягинъ, Боголюбовъ и много другихъ менѣе видныхъ, но столь же опредѣленныхъ фигуръ. Все это связывалось съ именемъ великаго князя, объяснялось его влияніемъ, его авторитетомъ, и общественная мысль мало по малу привыкла видѣть въ лицѣ великаго князя главу известной партіи, активнаго борца за ея идеалы. Царская фамилія, которая въ государственной идеѣ должна, какъ солнце, стоять высоко надъ политическими партіями, была втянута въ ихъ борьбу. Не Боевая Организациія взбѣжала по ступенямъ трона, чтобы тамъ, почти на самой вершинѣ его, нанести свой ударъ Сергѣю Александровичу, нѣтъ, великій князь сошелъ съ подожья трона въ самую гущу жизни, гдѣ слышатся клики борьбы и стоны побѣжденныхъ, чтобы здѣсь встрѣтиться лицомъ къ лицу съ Боевой Организацией.

Но мнѣ говорятъ, что убійство—всегда убійство; что жизнь человѣка есть высшее благо, на которое никто, ни личность, ни общество не имѣютъ права посягать. Существуетъ известная юмористическая передача формулы ареста французской полиціи: «именемъ свободы я васъ арестую».—Такъ поступаетъ представитель обвинительной власти въ нашемъ процессѣ во имя цѣнности жизни онъ требуетъ смерти.

Господа сенаторы, господа сословные представители, политическія убійства бывали всегда и вездѣ. Нѣтъ такого государственнаго строя, нѣтъ такой формы правительственной власти, которая была бы отъ нихъ застрахована. Трагическая смерть Марно, ужасная судьба Клевелевда, — представители двухъ демократическихъ республикъ,—вотъ самое яркое тому доказательство.

Но тамъ, гдѣ эти убійства не питаются общимъ недовольствомъ, напряженнымъ состояніемъ умовъ, тамъ, гдѣ нервозность не пронизываетъ насквозь всего общества сверху до самаго подполья, тамъ, гдѣ нѣтъ «смуты», тамъ политическое убійство является спорадическимъ. Какъ бы ни была сильна организациія, какъ бы ни были многочисленны ея члены, она

не можетъ долго питаться своими собственными соками. Ей нуженъ вѣчный притокъ новыхъ силъ, вѣчный обмѣвъ веществъ со всеми живыми элементами страны. Иначе—разложение и смерть. Крамола, не опирающаяся на смуту,—заговоръ, крамола, въ смутѣ находящая свою высшую санкцію,—революціонная партія.

Борьба чисто внѣшняя, борьба путемъ репрессій съ заговоромъ легка; борьба съ революціонной партіей даже при помощи всего «ужаса назней», которыя только имѣются въ распоряженіи правительства, — немыслима. И первая задача правительства—опредѣлить, съ чѣмъ оно имѣетъ дѣло въ лицѣ крамолы: съ заговоромъ или съ революціонной партіей, опирающейся на смуту?

Но прежде всего, что такое «смута»? Теперь, когда этимъ словомъ жонглируютъ, какъ мячикомъ, когда реакціонная печать съ пѣной у рта требуетъ «обузданія смуты», теперь важнѣе, чѣмъ когда-либо, точно и ясно поставить передъ государственнѣмъ сознаниемъ вопросъ о значеніи смуты въ странѣ.

Взгляните на природу весной. Съ шумомъ и трескомъ рѣки ломаютъ ледяныя оковы, горныя ручьи, пѣшишь и клокоча, стремглавъ летятъ внизъ, рѣки выходятъ изъ береговъ, на далекое пространство покрывая все своими бурными водами: это смута природы. Можетъ быть, она снесетъ нѣсколько мирныхъ хижинъ, можетъ на льдинахъ погнубить невинныя жертвы, но пройдетъ мѣсяць, другой — и вода, давъ новую жизнь природѣ, прорѣзавъ новыя русла, мирно уляжется въ своихъ берегахъ, земля покроется живительной зеленью, и вся природа заблестаетъ новой силой. Но попробуйте сковать ледъ, задержите горныя потоки, и природа станетъ крамольницей.

То же мы наблюдаемъ и въ общественной жизни. Общественная смута—это наростаніе новыхъ силъ, появленіе на исторической аренѣ новыхъ интересовъ. Смута—это пробужденіе страны, это—торжествующая пѣсня освободительныхъ идей. Если правительство пойдетъ ей навстрѣчу, довѣряя новымъ силамъ и стараясь бережно дать имъ прѣбыть въ жизнь, то пройдетъ немного времени, новыя теченія опредѣлятся, улягутся въ мирные берега, и вся страна засияетъ невиданнымъ блескомъ, представитъ предъ удивленнымъ міромъ въ новой мощи. Но попробуйте задержать эту смуту, подавить пробужденіе общественныхъ силъ, наложить свищовую руку реакціи на всякое проявленіе общественной жизни, — вы подавите мирную демонстрацію, вы распустите ученое общество, вы закроете освободительную газету, но этимъ вы только вгоните броженіе внутрь организма, и страна вамъ отвѣтитъ крамолой. Императоръ Павелъ сказалъ: «У меня въ ли-

цѣ дворянства сорекъ тысячъ даровыхъ полицеймейстеровъ». Не сорокъ тысячъ, а сорокъ миліоновъ даровыхъ полицеймейстеровъ нужно для того, чтобы твердо держался государственный строй. Надо, чтобы все общество дорожило своимъ правопорядкомъ, чтобы правительство имѣло не только авторитетъ силы, но и силу авторитета. Надо, чтобы каждый могъ сказать: «государство—это я»; чтобы въ посягательствахъ на государственный строй каждый видѣлъ нарушеніе своихъ личныхъ правъ. Не думайте, что если вы справляетесь съ уголовной преступностью, то этимъ вы обязаны полиціи, каторгѣ и тюрьмамъ. Нѣтъ, здѣсь, въ этой борьбѣ, вы опираетесь на силу общественного мнѣнія, на весь авторитетъ его осужденія. Безъ этого лучшая полиція—только армія столь же дорогихъ, сколь и бесполезныхъ чиповниковъ. Не странно ли? — Вы держите Каляева въ своихъ рукахъ, въ тюрьмахъ есть его карточки, въ департаментѣ полиціи—цѣлый кондуитъ его политическаго прошлага, и вы бессильны установить его личность. Человѣкъ не иглока, у Каляева въ его скитаніяхъ были сотни знакомыхъ, не могли же они не замѣтить его исчезновенія. И никто не ударилъ палецъ о палецъ, чтобы помочь вамъ. Грозный симитомъ, страшное предостереженіе.

Наша внутренняя политика не только создаетъ революціонныя партіи, съ особенной заботливостью она вербуетъ и рекрутъ для революціонной борьбы. Прочтите біографіи Сазонова, Каляева, Гершуни, имена ихъ ты, Господи, вѣси.... Не кажется-ли вамъ, что всѣ эти люди выковывались однимъ молотомъ? Еврей Гершуни, сынъ уѣмскаго аѣсопромышленника Сазоновъ, сынъ околоточнаго надзирателя противоположнаго конца Россіи Каляевъ,—какая «смѣсь именъ и лицъ, племенъ, названій, состояній». А между тѣмъ вы читаете ихъ біографіи, какъ повѣсть одного и того же автора. Зачеркните имена и вы можете печатать бланки для біографіи члена Боевой Организациі.

Въ первый разъ мы знакомимся съ Каляевымъ въ 99 году. Мы его встрѣчаемъ на сходкахъ петербургскихъ студентовъ. Онъ переживаетъ періодъ ничѣмъ еще не омраченныхъ счастливыхъ мечтаній, стремленія къ общечеловѣческому счастью. Онъ весь въ студенческой товарищеской семьѣ, въ средѣ горячихъ головъ и городовыхъ сердецъ нашего юношества. И вотъ въ одинъ день или, вѣрнѣе сказать, однажды ночью властный стукъ въ двери одинокой студенческой комнаты. Каляева арестуютъ. Тюрьма. Гластный надзоръ полиціи въ Екатеринбургѣ. Оттуда въ департаментъ полиціи идетъ донесеніе мѣстнаго жандармскаго управленія: «Каляевъ сходится съ лицами, заподозрѣнными въ участіи въ социаль-демократической партіи». Неужели можно было ожидать что либо иное? Взяли разгоряченнаго юношу, выхватили его изъ есте-

отвѣтственной обстановки, съ сердцемъ, волнующимся всею болью общественныхъ исканій, съ головой, лихорадочно работающей надъ разрѣшеніемъ великихъ общественныхъ проблемъ. Для поднадзорнаго Каляева, лишеннаго товарищеской среды, для политически-неблагонадежнаго Каляева, открывается доступъ къ легальной общественной дѣятельности. Онъ бросается въ пелегальную. Онъ сходится съ партией. Въдъ это—логика событій, математическая аксіома, съ жезлѣзной необходимостью раскрывающаяся въ жизни нашего юноши.

Этапъ второй: Каляевъ — социаль-демократъ. Социаль-демократія великое историческое движеніе нашего времени. Оно превращаетъ недисциплинированную чернь въ организованный пролетаріатъ, добивающійся культурными средствами своего права на счастье. Социаль-демократія во всемъ цивилизованномъ мірѣ—признанная политическая партія, и только у насъ бросаютъ людей въ тюрьмы за участіе въ ней.

Быль арестованъ и Каляевъ. Арестованъ онъ былъ въ Сидеи, выданъ русскому правительству, и вотъ за чтеніе заграницей произведеній русской заграничной литературы,—а кто изъ насъ этого не дѣлаетъ?—Каляева опять сажаютъ въ тюрьму и на 5 лѣтъ запрещаютъ въѣзды въ крупнѣйшіе центры Россіи.

Юноша цѣлкомъ поглощенъ жаждой мысли, стремленіемъ къ свѣту, къ кипучей дѣятельности. Его манитъ столица, гдѣ «гремѣть вѣти, кипѣть идейная борьба», а онъ долженъ убивать время въ какой-нибудь Вологдѣ. Одинъ исходъ—заграница. И вотъ Каляевъ исчезаетъ на два года. Его теряетъ изъ виду правительство, знакомые, даже семья, пока внезапно грозная фигура «народнаго мыслителя», по его выраженію, не появляется съ бомбой въ рукахъ передъ каретой великаго князя.

Съ тяжкимъ чувствомъ кончаю я защиту... И не только потому, что мнѣ приходится говорить чуть ли не передъ строящимся эшафотомъ, нѣтъ, — надежда никогда не покидаетъ человѣка. Но наше положеніе тѣмъ труднѣе, что подсудимый заявилъ непреклонное требованіе, чтобы мы ни однимъ словомъ не обмолвились въ его личную защиту. На нашихъ глазахъ человѣкъ бросается въ воду и тонетъ, и мы не смѣемъ пошевеливаться, не смѣемъ протянуть ему руку помощи. А между тѣмъ мы, адвокаты, въ подсудимомъ видимъ не преступника, а человѣка. Передъ нами открывается не только дверь камеры, но и сердце уюта. И тамъ, гдѣ вы только судите и караете, мы понимаемъ и любимъ.

Въ моей рѣчи нѣтъ словъ для того, чтобы передать вамъ всю тяжесть ощущенія: знакомиться съ жизнью, когда она уже обречена на смерть. Хочется бороться, бороться до послѣдней возможности и во что бы то ни стало. Но я считъ бы

недостойнымъ званія, которое я ношу, если бы вопреки воли Каляева бросился въ этотъ процессъ между нимъ и его участію. Да совершится судьба — да совершится воля Каляева. Онъ самъ обнажилъ свою грудь, подставляя ее подъ ваши удары. Его показанія дышали дерзкимъ вызовомъ, брошеннымъ въ лицо смерти, но господину первоприсутствующему этого было мало, ему угодно было задать вопросъ, повторилъ ли бы Каляевъ свое преступленіе, еслибы ему удалось ускользнуть отъ наказанія? Каляевъ отвѣтилъ. Господа, то былъ вопросъ не судьи, а шеновѣдника, и вы выбросите его изъ судебного матеріала.

РѢЧЬ ЖДАНОВА.

Въ этомъ тяжеломъ процессѣ совершенно не интересна, не важна фактическая сторона дѣянія. Слишкомъ она очевидна.

Я обращаюсь лишь къ выясненію нравственной стороны событія, его мотивовъ, ибо для многихъ они остаются темной загадкой, и да проститъ мнѣ Каляевъ, вѣрившій намъ, защитникамъ, честь свою и судьбу, если не хватить у меня ни душевныхъ силъ, ни словъ, чтобы остаться на высотѣ своей задачи.

Въ тяжелыя минуты пришлось вамъ, господа сенаторы и сословные представители, разбираться въ этомъ тяжеломъ дѣлѣ. Безмѣрный административный гнетъ, полное экономическое раззореніе, полное банкротство военной системы, этого единственнаго оправданія современнаго политическаго строя, привели въ броженіе всю Россію.

Волнуются всѣ окраины, сотнями гибнутъ рабочіе на улицахъ столицы, въ дымѣ пожаровъ помѣщикамъ усадебъ ищетъ разрѣшенія гнетущихъ вопросовъ крестьянство и безумно страдаетъ, мучась и умирая за всѣхъ, наша интеллигенція.

Столкнулись двѣ великія силы: старый, вѣками утвержденный строй и новая, такъ страстно стремящаяся къ свободѣ Россія.

Теряется надежда на мирный исходъ этой борьбы, и все ближе надвигается чудовищный приракъ гражданской войны.

И въ лѣтописяхъ этой борьбы Боевая Организанія Соц.-Рев. пишетъ страницу самую яркую, самую ужасную, ибо пишетъ ее кровью своей и кровью тѣхъ, кого считаетъ врагомъ народа. Видя въ народныхъ массахъ, въ ихъ воли единственныхъ вершителей судьбы страны, они не дожидаются ихъ движенія и съ безоглядной смѣлостью бросаются въ борьбу съ громадной правительственной организанціей.

Ибравъ политическое убійство, какъ средство, револьверъ и бомбу, какъ оружіе, они путемъ террора пытаются уско-рить политическое освобожденіе Россіи.

Это не убійство изъ-за угла. Измѣнились условія жизни, измѣнились и способы борьбы.

Они видятъ невозможность, при современномъ оружіи, народнымъ массамъ съ вилами и дубинками, этимъ исконнымъ народнымъ оружіемъ, разрушать современныя Бастиліи. Послѣ 9-го января они уже знаютъ, къ чему это приводитъ; пуле-метамъ и скорострѣльнымъ ружьямъ они противопоставили револьверы и бомбы, эти баррикады ХХ вѣка. Они безпощадные враги современнаго строя, но они не ищутъ пощады и себѣ.

На смертный приговоръ они смотрятъ, какъ на смерть за свои убѣжденія съ оружіемъ въ рукахъ. Они не щадятъ чужой жизни, но съ дикой роскошью расточаютъ и свою.

Они губятъ, но гибнутъ и сами. Погибнетъ и онъ.

Но и вы отнесетесь къ нему, не какъ къ преступнику, но какъ къ врагу послѣ сраженія.

И, свершая свой судъ, помните, что въ грядущіе дни, кровавая заря которыхъ уже виднѣется на небосклонѣ, на чашѣ вѣсовъ, кони будетъ мѣряться все прошлое, не послѣднее мѣсто займетъ и вашъ приговоръ.

Не отягчайте этой чаши. Крови въ ней безъ того доста-точно....

РѢЧЬ КАЛЯЕВА.

Прежде всего — фактическая поправка: я — не подсудимый передъ вами, я вашъ плѣнникъ. Мы — двѣ воюющія сторо-ны. Вы — представители императорскаго правительства, наем-ные слуги капитала и насилія. Я — одинъ изъ народныхъ мстителей, социалистъ и революціонеръ. Васъ раздѣляютъ горы труповъ, сотни тысячъ разбитыхъ человѣческихъ суще-ствованій и цѣлое море крови и слезъ, разлившееся по всей странѣ потоками ужаса и возмущенія. Вы объявили войну на-роду, мы приняли вызовъ. Взявъ меня въ плѣнъ, вы теперь можете подвергнуть меня пыткамъ медленнаго угасанія, можете меня убить; но надъ моею личностью вамъ не дано суда. Какъ бы вы ни ухищрялись властвовать надо мною, здѣсь для васъ не можетъ быть оправданія, какъ не можетъ быть для меня обвиненія. Между нами не можетъ быть почвы для примиренія, какъ нѣтъ ея между самодержавіемъ и народомъ. Мы все тѣ же враги и, если вы, лишивъ меня свободы и глас-наго обращенія къ народу, устроили надо мною столь тор-

жественное судилище, то это еще несколько не обязывает меня признавать въ васъ моихъ судей. Пусть судить насъ не законъ, облеченный въ сенаторскій мундиръ, пусть судить насъ не раба свидѣтельство сословныхъ представителей по назначенію, не жандармская подлость. Пусть судить насъ свободно и нелицеприятно выраженная народная совѣсть. Пусть судить насъ эта великомученица исторіи — народная Россія.

Я убилъ великаго князя, члена императорской фамилии, и я понимаю, если бы меня подвергли фамильному суду членовъ царствующаго дома, какъ открытаго врага династии. Это было бы грубо и для 20-го вѣка дико, но это было бы, по крайней мѣрѣ, откровенно. Но гдѣ же тотъ Пилать, который, не омывъ еще рукъ своихъ отъ крови народной, послалъ насъ сюда строить висѣлицу. Или, можетъ быть, въ сознаниіи предоставленной вамъ власти вы овладѣли его тщедушию совѣстью настолько, что сами присвоили себѣ право судить именемъ лицемернаго закона въ его пользу? Тамъ знайте же, я не признаю ни васъ, ни вашего закона. Я не признаю централизованныхъ государственныхъ учреждений, въ которыхъ политическое лицемеріе прикрываетъ нравственную трусость правителей, и жестокая расправа творится именемъ оскорбленной человѣческой совѣсти, ради торжества насилия.

Но гдѣ ваша совѣсть? Гдѣ кончается ваша продажная исполнительность и гдѣ начинается безсребренность вашего убѣжденія, хотя бы враждебнаго моему? Въдъ вы не только судите мой поступокъ, вы посягаете на его нравственную цѣнность. Дѣло 4-го февраля вы не называете прямо убійствомъ, вы именуете его преступленіемъ, злодѣяніемъ. Вы дерзаете не только судить, но и осуждать. Что же вамъ даетъ это право? Не правда ли, благочестивые сановники, вы никого не убили и опираетесь не только на штыки и законъ, но и на аргументы нравственности. Подобно одному ученому профессору временъ Наполеона III, вы готовы признать, что существуютъ двѣ нравственности. Одна для обыкновенныхъ смертныхъ, которая гласитъ: «не убій», «не укради»; а другая нравственность политическая для правителей, которая имъ все разрѣшаетъ. И вы дѣйствительно увѣрены, что вамъ все дозволено и что нѣтъ суда надъ вами...

Но оглянитесь: всюду кровь и стонъ. Война внѣшняя и война внутренняя. И тутъ, и тамъ пришли въ яростное столкновение два міра, непримиримо враждебныхъ другъ другу: бьющая ключемъ жизнь и застой, цивилизація и варварство, насилие и свобода, самодержавіе и народъ. И вотъ результатъ: позоръ неслыханнаго пораженія военной державы, финансовое и моральное банкротство государства; политическое разложение устоевъ монархіи внутри, наряду съ естественнымъ развитіемъ стремленія къ политической самостоятельности на

такъ называемыхъ окраинахъ, и повсюду всеобщее недовольство, ростъ оппозиціонной партіи, открытыя возмущенія рабочаго народа, готовые перейти въ затяжную революцію во имя социализма и свободы и — на фонѣ всего этого — террористическіе акты... Что означаютъ эти явленія?

Это судъ исторіи надъ вами. Это — волненіе новой жизни, пробужденной долго накопленной грозой, это — отходная самодержавію... И революционеру нашихъ дней не нужно быть утопистомъ-политикомъ для того, чтобы идеалъ своихъ мечтаній сводить съ небесъ на землю. Онъ суммируетъ, приводитъ къ одному знаменателю и облакаетъ въ плоть лишь то, что есть готоваго въ настроеніяхъ жизни и, бросая въ отвѣтъ на вызовъ къ бою свою ненависть, можетъ смѣло крикнуть насилью: я обвиняю.

Но мнѣ ставится въ вину нѣчто большее. Меня обвиняютъ въ томъ, въ чемъ повинна вся Россія: меня обвиняютъ въ принадлеженности къ тайному сообществу, поставившему себѣ цѣлью насильственное испроверженіе образа правленія въ Россіи, установленнаго основными законами. Другими словами — насильственное испроверженіе самодержавія дѣйствіями одного тайнаго сообщества. Не отрицая своей принадлежности къ Боевой Организациі Партіи Соц.-Рев., такое обвиненіе я считаю лишеннымъ всякаго здраваго смысла.

Прежде всего въ первой части вышеприведенной формулы обвиненія нѣтъ реальной правды. Тутъ обвинитель обнаружилъ полное отсутствіе пониманія дѣйствительности или на мѣрленно извратилъ образъ моей партіи. Точно вся Россія — это счастливейшая Аркадія, въ которой всѣ живутъ въ мирѣ и согласіи, условія общежитія идеальны: нѣтъ ни классовыхъ антагонизмовъ, ни правительственнаго гнета, всѣ довольны существующими порядками, установленными основными законами, и только — изволяте видѣть — злоковенное сообщество, именуемое Партіей Соц.-Рев. всѣми силами стремится къ ихъ низверженію. Ну, а коль скоро составилось такое «тайное» сообщество противъ самодержавія, значитъ этимъ оправдано и существованіе прокурора и всѣхъ другихъ экстренныхъ мѣръ въ защиту «основныхъ законовъ». Просто, коротко и ясно. Но не напоминаетъ ли вамъ эта до крайности упрощенная формула обвиненія того обольстительнаго взгляда политиковъ охраны, по которому вся смута — дѣло злонамѣренной группы революционеровъ, и стоитъ имъ взять въ плѣнъ террориста и самодержавіе спасено. Такъ шатко его существованіе.... Мнѣ лично вспоминается очень оригинальное замѣчаніе отъ одного жандармскаго вахмистра, которое я охотно подарю прокурору. «Чего вы добиваетесь, спросилъ онъ меня во время одного ареста, — конституціи? Напрасно: нашего царскаго дѣла хватить». Но мой обвинитель—

не жандармскій вахмистръ, мой обвинитель — представитель верховнаго короннаго суда, и потому отъ него можно было бы ожидать болѣе солиднаго взгляда на природу и характеръ террористической борьбы.

Господа, вы знаете, въ чемъ ошибки прокурора. Борьба противъ самодержавія ведется десятки лѣтъ ширококрылымъ фронтомъ всей трудящейся и мыслящей Россіи, и не тайно, а совершенно явно. Какой же смыслъ приписывать монополию этой борьбы какому бы то ни было отдѣльному сообществу и вмигать Партіи Соц.-Револ. въ особую вину цѣль всеобщаго освободительнаго движенія въ Россіи. Неужели только для того, чтобы убаюкать себя надеждой, оживить этимъ разлагающійся трупъ самодержавія? Признаюсь, я могъ бы гордиться пысотой обвинения, предъявленнаго моею партіи, но мое личное достоинство, какъ члена партіи, и моя увѣренность въ силахъ революціи выше прокурорскаго благожелательства.

Партія Соц.-Револ. не есть единственная организація для борьбы съ существующимъ въ Россіи политическимъ строемъ. Болѣе того, она не исключительно занята борьбой съ самодержавіемъ. Программа ея дѣятельности гораздо шире, чѣмъ это думается прокурору. Насколько я могу судить по обвинительному акту, прокуроръ и тутъ остался вѣрнъ своей тенденціи къ упрощенію обвинения.

Меня изумляетъ одинъ очень характерный пропускъ въ немъ. Въ обвинительныхъ актахъ противъ членовъ Партіи Соц.-Рев. и ея Боевой Организаціи до настоящаго процесса всегда выставлялся особый пунктъ обвинения въ ниспроверженіи и существующаго общественнаго строя. И это имѣло своей опредѣленный смыслъ, отъ котораго не слѣдовало прокурору отказываться и въ данномъ случаѣ при характеристикѣ стремленій партіи. Вѣдь мы, какъ партія, — прежде всего — социалисты. Наша социалистическая программа въ основныхъ своихъ положеніяхъ ничѣмъ не отличается отъ программъ аналогичныхъ партій другихъ наименованій. Въ этомъ смыслѣ наша партія въ Россіи есть одинъ изъ авангардовъ всесвѣтнаго социалистическаго движенія, выдвигнувшійся въ пѣдрахъ патріархальной и царской Россіи. Вамъ должно быть не безъизвѣстно, что наша Партія принимала участіе въ международномъ социалистическомъ конгрессѣ и такимъ образомъ получила оффиціальное признаніе и одобреніе своей дѣятельности со стороны верховнаго учрежденія социализма. Такимъ образомъ, на Партію Соц.-Револ. нельзя смотрѣть, какъ на тайное сообщество, ставящее себя единственной и исключительной цѣлью — сверженіе самодержавія. Мы не отказываемся отъ этой цѣли, но нужно точно установить наше мѣсто въ ряду другихъ революціонныхъ и оппозиціонныхъ движеній въ Россіи для того, чтобы понять, какъ

слѣдуетъ, природу и цѣли осуществляемаго нами террора.*)

Терроръ — только одно изъ орудій, одна изъ формъ борьбы, принимаемыхъ партией. Лишь въ неразрывной, органической связи со всѣми прочими видами и средствами борьбы, терроръ служить, въ послѣднемъ счетѣ, цѣли ниспроверженія существующаго режима. Стачки, какъ форма непосредственнаго экономическаго столкновенія эксплуатируемыхъ рабочихъ съ ихъ прямыми угнетателями, какъ исходная точка для логическаго развитія событий и столкновенія рабочихъ со всѣмъ существующимъ строемъ; демонстраціи, какъ открытое заявленіе своихъ политическихъ убѣжденій и требованій; аграрныя волненія, какъ попытки осуществленія правъ рабочаго земледѣльческаго населенія, попираемыхъ вѣками; вооруженное сопротивленіе насиліямъ и репрессіямъ правительства, стремящагося подавить, растоптать, запугать поднимающіяся противъ него силы; терроръ, какъ отпоръ и какъ нападеніе, дезорганизирующее правительство и облегчающее задачу натиска на него всѣми другими средствами; наконецъ, вооруженное народное возстаніе, какъ увѣнчаніе всей этой системы борьбы — такова многосложная, разносторонняя, и идущая прямо къ цѣли боевая тактика Партіи Соціалистовъ-Револүціонеровъ.

Я взялъ на себя свою часть дѣла въ этой многосложной и цѣлостной системѣ борьбы. Мое предпріятіе окончилось успѣхомъ. И такимъ же успѣхомъ увѣнчается, несмотря на всѣ препятствія, и дѣятельность всей Партіи, ставящей себѣ великія историческія задачи. Я твердо вѣрю въ это — я вижу грядущую свободу возрожденной къ новой жизни трудовой, народной Россіи. И я радъ, я гордъ возможностью умереть за нее съ сознаніемъ исполненнаго долга.

СТИХОТВОРЕНІЯ И. П. КАЛЯЕВА.

Сонъ жизни.

Мигъ одинъ — и жизнь уходитъ,
Точно скорбный, скучный сонъ,
Таетъ, тѣнью дальней бродить,
Какъ вечерній тихій звонъ.

Только сбросилъ съ глазъ повязки
Первыхъ юношескихъ лѣтъ —
Мигъ — и нѣтъ волшебной сказки,
Облеченной въ яркій цвѣтъ.

*) До сихъ поръ рѣчь Каляева печатается въ его собственномъ изложеніи. Къ сожалѣнію, изложеніе это не окончено. Дальнѣйшая заключительная часть его рѣчи печатается лишь въ краткомъ резюме.

Лишь за гранью сновидѣнья
 Воскресаетъ все на мигъ:
 Жизни прожитой мученья
 И мечты далекой ликъ.
 Мы, ограбленные съ дѣтства,
 Жизни пасынки слѣпой:
 Что досталось намъ въ наслѣдство?
 Мечь и скорбь, да стыдъ нѣмой...
 Что мы можемъ дать народу,
 Кромѣ умныхъ, скучныхъ книгъ,
 Чтобъ помочь пайти свободу?
 —Только жизни нашей мигъ...

Передъ бурей.

Бурныя волны жизни живой,
 Дружно вскипайте, неситесь мятежно...
 Пусть за прибоемъ мчится приборъ:
 Берегъ гранитный падетъ неизбежно.
 Эй, снаряжайте челны скорѣй, —
 Дорого время, ширь водъ безконечна,
 Только видны верхушки гребней.
 Ну же, впередъ! — волна быстротечна...
 Замеръ въ нѣмомъ смятеннн гранить.
 Волны все мчатся, волна волну гонить.
 Скоро девятый валъ набѣжитъ:
 Крѣпость насилья въ волнахъ похоронить.
 Грузно трещать средь волнъ корабли
 Создали ихъ трудовой потъ и слезы:
 Гибель вѣщаютъ — стоны земли:
 Поздно — напрасны мольбы и угрозы...
 Вотъ ужъ насилья тонетъ оплотъ...
 Въ бурной стихии рабы не спасутся.
 Солнце свободы радугу шлетъ,
 По небу грома раскаты несутся...
 Ну же, гребцы... Ударьте весломъ!
 Въ путь ужъ готовы крылатые челны.
 Берегъ свободы виденъ кругомъ:
 Пусть насъ несутъ къ нему бурныя волны.

Демонстрація.

(Переложение съ польскаго)

(«Czego chce, oni?»...)

«Что это, — бунтъ?» Грозна, шумна,
 Толпа народа нарастаетъ...
 «Чего хотятъ?» — А кто ихъ знаетъ...
 Свободы, хлѣба. — Вотъ те на...

А мы лишь золота хотимъ.
Съ нимъ намъ живется беззаботно:
Все подчиняется охотно
Волшебнымъ блесткамъ золотымъ.

Толпы восторженная лесь,
Смущенной дѣвы трепеть страстный,
Трибуна голосъ полновластный
И старика сѣдого честь...

Все, все покорно служить намъ.
Вотъ — царь земли. Его дарами
Мы насыщаемся, и сами
Уподобляемся царямъ.

Намъ дѣла нѣтъ, что мретъ народъ,
Что кто-то стоиеть, проклинаеть...
Пустякъ: онъ слабъ, онъ погибаетъ. —
Законъ борьбы къ тому ведетъ.

Мы можемъ все... Нашъ путь широкъ:
Воруй, мошенничай, насилуй,
И будешь бодръ и сытъ, мой милый.
Вкуснѣй всего — чужой кусокъ.

Кумиръ нашъ — просто чародѣй...
Волшебной силою объято,
Съ рабочихъ рукъ стекаетъ злато
Все въ нашъ карманъ. Такъ веселѣй!

Разгульнѣй время проведемъ.
Что недоступно нашей власти?
Для насъ готово ложе страсти,
Намъ, какъ богамъ, всѣ бьютъ челомъ.

О чемъ намъ плакать и скорбѣть?
Народъ волнуется? — Пустое!...
Врачуеть страхъ вино хмельное;
Такъ будемъ пить, гулять и пѣть...

Эй, человекъ, сюда съ виномъ!...»
Такъ вотъ зачѣмъ народъ рабочий
Съ утра сгибается до ночи
Надъ плугомъ, молотомъ, станкомъ,

И не смолкаетъ стукъ машинъ...
Вамъ надо злата, злата, злата,
Чтобъ утопать во тьмѣ разврата,
Въ чаду шампанскихъ нѣжныхъ винъ.

Вамъ мало собранныхъ богатствъ?
Что вамъ голодныхъ крики, стоны, —
Нужны вамъ новые мильоны,
И сладость винъ и роскошь яствъ.

Крестьянъ, рабочихъ льется кровь,
Ихъ жены, дѣти плачутъ въ хатахъ, —
А вы пируете въ палатахъ
И славите вино, любовь...

Но оглянитесь, гордецы,
Оставьте ложе наслажденья
И наострите ваше зрѣнье:
Взгляните, тьмы ночной жрецы.

Откуда вѣтеръ пыль несетъ:
Тамъ золоченные чертоги
Давно покинули ужъ боги:
Ихъ повалилъ въ борьбѣ народъ...

Все смолкло; тишина кругомъ...
Вдругъ клынула толпа, какъ море,
И, разливаясь на просторѣ,
Раздался пѣсни бодрой громъ...

«Ура, свобода... Прочь царей»...
И знамя красное, порхая,
Взвилось, кровавый блескъ роняя,
Въ сіяньи солнечныхъ лучей...

Гудитъ со всѣхъ сторонъ набатъ,
Народа грудь его рождаетъ;
Гудитъ набатъ — то замираетъ,
То льется вновь, какъ водопадъ...

Мы стягъ воздвигли боевой
И путь къ свободѣ озарили...
Быть можетъ, рано — поспѣшили,
Не время всѣхъ сзывать на бой?

Что-жъ, мы ль виновны, что судьба
Насъ чуткимъ слухомъ надѣлила
И въ грудь огонь святой вложила,
Что возгарается борьба,

Что смыслъ ея постигли мы,
И видимъ то, чего другіе
Не видятъ въ омутѣ стихій;
Не чтимъ боговъ наживы, тьмы,

И прочь бѣжимъ отъ алтарей,
Покрытыхъ золотомъ мишурнымъ...
Зарю встрѣчая крикомъ бурнымъ
Мы строимъ новый храмъ идей.

Не всѣ изъ насъ войдутъ въ тотъ храмъ,
Погибнуть многіе въ преддверьи.
Но не вернемся мы въ безвѣрья
Назадъ къ поверженнымъ богамъ.

Ужъ близокъ день, ужъ брежжитъ онъ...
Смотрите, солнце встало... чудс...
Ряды рабочихъ къ намъ отвсюду
Спѣшать, — ихъ имя — легионъ...

А знамя красное горитъ,
На солнцѣ весело порхаеъ,
Народъ свободѣ гимнъ слагаетъ:
Кто путь намъ къ счастью преградить?

Мы всѣ пойдемъ въ кровавый бой,
Мы всѣ подъ знаменемъ сплотимся
И малодушно не сдадимся,
Не бросимъ стягъ нашъ боевой...

Насъ не страшатъ ружей огни...
Впередъ! впередъ!... Пусть въ насъ стрѣляютъ...
На стягъ пули начертуютъ:
«Людьми хотѣли быть они»...

Первомайская пѣсня.

Выступимъ сомкнутымъ строемъ,
Грудью враговъ отразимъ!
Къ счастью путь всѣмъ откроемъ,
Праздникъ борьбы освятимъ.

Всѣмъ возвѣщая свободу,
Бодро впередъ мы идемъ;
Мы возрожденье — народу,
Гибель — тиранамъ несемъ.

Солнце — нашъ факелъ побѣдный,
Правда — нашъ лозунгъ святой.
Рухнетъ предъ нами безслѣдно
Дряхлый насилія строй.

Знайте жъ, тираны, убійцы,
Сбудется праведный судъ:
Сгинуть цари-кровопійцы,
Пышные троны падутъ.

Вашъ, кулаки-мирофды,
Также настанетъ чередъ:
Въ гордомъ сіянии побѣды
Съ вами сочтется народъ.

Барщины цѣпи, налоги,
Фабрики гнетъ крѣпостной,
Замки, казармы, остроги, —
Дружно снесемъ мы долой.

Слава великимъ идеямъ,
Слава безстрашнымъ бойцамъ!
Развѣ и мы не сдумѣемъ
Двинутся ратью къ дворцамъ?

Равенства, братства, свободы
Знаменемъ всѣхъ осѣня,
Бросимъ мы въ мрачные своды
Свѣтъ первомайскаго дня.

Грянемъ мы сомкнутымъ строемъ,
Царство насилья снесемъ:
Все на землѣ перестроимъ,
Все на свой ладъ заведемъ...

Р а з д у м ь е . *)

Лучи кроваваго заката
Насъ въ дѣтствѣ озарили.
Огонь борьбы съ неправдой свято
Въ сердцахъ мы сохранили.

Въ жестокіе росли мы годы:
У висѣлицы черной
Еще стоялъ палачъ свободы,
Передъ толпой покорной.

Страна несчастная стонала
Подъ игомъ, виѣ закона,
Царю моленья посылала,
Припавъ къ ступенямъ трона.

А онъ, презрѣвъ ея мученья
И растравляя раны,
Лишь въ оргіяхъ искалъ забвенья
Подъ пологомъ охраны.

Въ церквахъ гремяло многолѣтье,
Толпа «ура» кричала,
Печать, смирясь, кнуту и плети
Позорный гимнъ слагала.

Въ ней смолкло слово обличенья,
Царили словоблуды
И нагло сѣяли смятеніе
Предатели, Иуды...

Холопства дань воздали трону
Развратнаго тирана:
Не внемля мучениковъ стону
Воскликнули «осанна»

Многоязычнымъ, рабимъ хоромъ...
Погибло все, казалось,

*) Въ рукописи И. Каляева къ этому стихотворенію сдѣлана приписка: «Это — самое душевное мое раздумье, въ которомъ отпечатлѣлась вся моя тоска и вся моя мятежность — и я посвящаю его всѣмъ моимъ близкимъ друзьямъ и товарищамъ, съ которыми я жилъ, боролся и мечталъ».

Сливаясь съ царскимъ приговоромъ,
«Смиритесь!»... — раздавалось.

Смирялись мы, «отцамъ» внимая,
Въ терпѣнны упражнялись
И, даль прогресса измѣряя,
Росли — и поучались...

Но молодая кровь бурлилась
И выхода искала,
А сердце чуткое томилось,
О чемъ то тосковало...

И часто мы, невзгоды дѣти,
Вдали отъ лжи, разврата,
Мечтали о борьбѣ при свѣтѣ
Вечерняго заката.

Замученныхъ героевъ тѣни
Тогда шептались съ нами,
А на небѣ пылало мщеньемъ
Кровавое ихъ знамя...

Спускалась ночь надъ ихъ могилой,
Забытой, неизвѣстной,
Но намъ, объятымъ новой силой,
Былъ ясенъ сводъ небесный.

Свидѣтель тайныхъ думъ, мечтаній
И помысловъ мятежныхъ,
Онъ книгу намъ раскрылъ дѣяній
Грядущихъ, неизбѣжныхъ.

Мерцали звѣзды сиротливо,
Огни вдали мерцали,
А мы страницы молчаливо
Судьбы своей читали...

Настанетъ день, — и солнце встанетъ,
Героевъ рать проснется,
Народъ страдающій воспрянетъ,
Міръ старшій ужаснется.

Идите жъ вновь на бой кровавый,
Ударьте грознымъ станомъ:
Ужъ близокъ, близокъ часъ расправы,
Несите мечь тиранамъ....

И мы пошай....

«Тамъ» и «здѣсь».

Кровавымъ заревомъ войны
Даль нашей родины объята.
Тамъ — вторить стонамъ всей страны
Предсмертный вздохъ бойца-солдата;

Подъ гнетомъ тягостнымъ цѣпей
Средь малодушныхъ, беззаботныхъ,
Здѣсь — мрутъ въ нуждѣ сыны полей,
Здѣсь — гибнутъ семьи безработныхъ...

Тамъ — на чужбинѣ роковой,
Въ угоду рыцарямъ разбоевъ,
Подъ сѣнью ночи грозовой,
Смерть косить тысячи героевъ.

Здѣсь — тихій плачъ сиротъ и вдовъ
И покаянныя молитвы
Слѣпыхъ, растерянныхъ рабовъ
Смягчаютъ ужасъ дальней битвы...

Тамъ — стыдъ, отчаянье, позоръ,
Здѣсь — беззастѣнчивая живость;
Но здѣсь и тамъ — безумцевъ хоръ
Глушить преступно справедливость.

О, край родной! О, мой народъ!
Поймешь ли ты во дни невзгоды
Твоихъ судебъ кровавый ходъ,
Тебя зовущій въ храмъ свободы?

Или, какъ пасынокъ судьбы,
Ты въ рабства сонъ свой повергнешь
И плодъ мучительной борьбы
Вновь самъ кощунственно отвергнешь?

О, отврати позоръ отъ насъ,
Заря надежды въ дни ненастья,
Будь проклятъ тотъ, кто въ слушный часъ
Рабомъ остался самовластья...

Но нѣтъ! Я вѣрю въ жребій твой,
Многострадальная Россія.
Въ душѣ сыновъ твоихъ живой
Могучихъ силъ и чувствъ стихія.

Возстанъ же гордо и суди
Поработителей народа,
И съ челоуѣчествомъ иди
Туда, гдѣ счастье и свобода.

Слово и дѣло.

О, если-бъ голосъ мой могъ пробуждать сердца!
Я-бъ всѣхъ сзывалъ на бой немолчнымъ сердца крикомъ;
Волшебнымъ блескомъ словъ я-бъ увлекалъ бойца,
И былъ бы громомъ дѣлъ мой кличъ въ бою великомъ.
Огнемъ мятежныхъ чувствъ спалилъ бы я всю ложь,
Разсвѣялъ бы всю муть безсилья, лицемѣрья,
Завѣтомъ властныхъ душъ смутилъ бы робкихъ дрожь
И свѣтомъ бодрыхъ думъ спугнулъ бы мракъ безвѣрья.

Но въ предрасвѣтной мглѣ безсиленъ словомъ я,
И самый мой призывъ звучитъ, какъ стонъ, несмѣло...
Вотъ почему средь бурь зоветъ душа моя
Товарища-бойца величьемъ грознымъ дѣла...

Пусть грянетъ бой.

Моя душа пылаетъ страстью бурной
И грудь полна отвагой боевой.
Ахъ! видѣть лишь свободы блескъ пурпурный,
Разсвѣять мракъ насилья вѣковой,
И, маску лжи сорвавъ съ лица злодѣя,
Вдругъ обнажить его смертельный страхъ
И бросить всѣмъ тиранамъ, не робѣя,
Стальной руки неотвратимый взмахъ...
Довольно слезъ! Пусть грянетъ бой побѣдный!
Народъ зоветъ, — преступно, стыдно ждать...
Рази жъ врага, мой честный мечъ наслѣдный, —
Я твой, весь твой, о родина, о мать...

Передъ казнью.

Я въ битву шелъ, какъ духомъ гордый левъ,
Мой спутникъ былъ — завѣтъ отцовъ нетлѣнный.
И страшенъ былъ безудержный мой гнѣвъ:
Я бросилъ жизнь, — и палъ мой врагъ надменный.
Капризъ судьбы вернулъ мнѣ жизни даръ,
Но снова я, цѣпей своихъ достойный,
Врагу нанесъ еще одинъ ударъ:
Я жизнь отвергъ съ рѣшимостью спокойной.
И въ третій разъ я вызываю въ бой
Врага моей идеи неподкупной...
Мой врагъ дрожитъ передъ своей судьбой,
Я казни жду, какъ плѣнникъ непреступный.

И. Каляевъ.

ПОСЛѢДНІЯ ПИСЬМА И. КАЛЯЕВА.

ПИСЬМА КЪ ТОВАРИЩАМЪ.

Мои дорогіе друзья и незабвенные товарищи.

Вы знаете, я сдѣлалъ все, что могъ, для того, чтобы 4-го февраля достигнуть побѣды. И я — въ предѣлахъ моего личного самочувствія — счастливъ сознаниемъ, что выполнилъ долгъ, лежавшій на всей истекающей кровью Россіи.

Вы знаете мои убѣжденія и силу моихъ чувствъ, и пусть никто не скорбитъ о моей смерти.

Я отдалъ всего себя дѣлу борьбы за свободу рабочаго народа, съ моей стороны не можетъ быть и намека на какую либо уступку самодержавію, и если въ результатъ всѣхъ стремлений моей жизни я оказался достойнымъ высоты обще-человѣческаго протеста противъ насилія, то пусть и смерть моя вѣнчаетъ мое дѣло чистотой идеи.

Умереть за убѣжденія — значитъ звать на борьбу, и какихъ бы жертвъ ни стоила ликвидація самодержавія, я твердо увѣренъ, что наше поколѣніе покончитъ съ нимъ навсегда.. Это будетъ великимъ торжествомъ социализма, когда передъ русскимъ народомъ откроется просторъ новой жизни, какъ и передъ всѣми, кто испытываетъ тотъ же вѣковой гнетъ царскаго насилія.

Всѣмъ сердцемъ моимъ съ вами, мои милые, дорогие, незабвенные. Вы были мнѣ поддержкой въ трудныя минуты, съ вами я всегда раздѣлялъ всѣ ваши и наши радости и тревоги, и если когда нибудь на вершинѣ общенароднаго ликования вы вспомните меня, то пусть будетъ для васъ весь мой трудъ революціонера выраженіемъ моей восторженной любви къ народу и горделиваго уваженія къ Вамъ; примите его, какъ дань моей искренней привязанности къ партіи, какъ носительницу завѣтовъ „Народной Воли“ во всей ихъ широтѣ.

Вся жизнь мнѣ лишь чудится сказкой, какъ будто все то, что случилось со мною, жило съ раннихъ лѣтъ въ моемъ предчувствіи и зрѣло въ тайникахъ сердца для того, чтобы вдругъ излиться пламенемъ ненависти и мести за всѣхъ.

Хотѣлось бы многихъ близкихъ моему сердцу и безконечно дорогихъ назвать въ послѣдній разъ по имени, но пусть мой послѣдній вздохъ будетъ для нихъ моимъ прощальнымъ привѣтомъ и бодрымъ призывомъ къ борьбѣ за свободу.

Обнимаю и цѣлую васъ всѣхъ

Вашъ И. Каляевъ.

Дорогіе мои, хочу еще разъ съ этимъ листочкомъ бумаги улетѣть къ вамъ сердцемъ, обнять васъ воздушными объятіями и напомнить, какъ я васъ всѣхъ люблю. Противъ всѣхъ моихъ заботъ я остался 4-го февраля живъ. Я бросалъ на разстояніи 4-хъ шаговъ, не больше, съ разбѣга въ упоръ, я былъ захваченъ вихремъ взрыва, видѣлъ, какъ разрывается карета... Послѣ того, какъ облако разсѣялось, я оказался у остатковъ заднихъ колесъ. Помню, въ меня пахнуло дымомъ и цепками прямо въ лице, сорвало шапку. Я не упалъ и только отвернулъ лицо. Потомъ увидѣлъ въ шагахъ 5-ти отъ себя, ближе къ воротамъ, комя в. к. одежды и обнаженное тѣло... Въ шагахъ, 10-ти за каретой лежала моя шапка, я подошелъ и поднялъ ее и надѣлъ. Я олядѣлся. Вся поддевка моя была истыкана кусками дерева, висѣли клочья и вся она обгорѣла. Съ лица обильно лилась кровь, и я понималъ, что мнѣ не уйти, хотя было нѣсколько домихъ мгновеній, когда никого не было вокругъ. Я пошелъ... въ это время послышалось сзади „держи, держи“, — на меня чуть не напхали сыщикъи сани и чьи то руки овладѣли мною. Я не сопротивлялся. Вокругъ меня засуетились городовой, околдокъ и сыщикъ, противный... „Смотрите, нѣтъ ли револьвера, ахъ, слава богу, и какъ это меня не убило, вѣдь мы были тутъ же“, проговорилъ дрожа этотъ охранникъ. Я пожалѣлъ, что не могу пустить пулю въ этого доблестнаго труса. — „Чего вы держите, не убѣгу, я свое дѣло сдѣлалъ“, сказалъ я... (Я понималъ тутъ, что я олушенъ) „Давайте извощика... Давайте карету“. Мы поѣхали черезъ Кремль на извощикъ и я задумалъ кричать: „Долой проклятаго царя, да здравствуетъ свобода, долой проклятое правительство, да здравствуетъ Партія Соціалистовъ-Революціонеровъ!“ Меня привезли въ городской участокъ... Я вошелъ твердыми шагами. Было страшно противно среди этихъ жалкихъ трусишекъ... И я былъ дерзокъ, издѣвался надъ ними... Меня перевезли въ Якиманскую часть, въ арестный домъ. Я заснулъ крепкимъ сномъ...

Прощайте, мои дорогие, мои незабвенные. Вы меня просили не торопиться умирать, и действительно не торопятся меня убивать. Съ тѣхъ поръ, какъ я попалъ за рѣшетку, у меня не было ни одной минуты желанія какъ нибудь сохранить жизнь. Революція дала мнѣ счастье, которое выше жизни, и вы понимаете, что моя смерть — это только очень слабая моя благодарность ей. Я считаю свою смерть послѣднимъ протестомъ противъ міра крови и слезъ и могу только сожалѣть о томъ, что у меня есть только одна жизнь, которую я бросаю, какъ вызовъ самодержавію. Я твердо надѣюсь, что наше поколѣніе съ Боевой Организацией во главѣ покончитъ съ самодержавіемъ.

Я хотѣлъ бы только, чтобы никто не подумалъ обо мнѣ дурно, чтобы въпрямь въ искренность моихъ чувствъ и твердость моихъ убѣжденій до конца. Помилованіе я считалъ бы позоромъ. Простите, если въ моемъ поведеніи внѣ партійныхъ интересовъ были какія либо неровности. Я пережилъ довольно острой муки по поводу нелѣпыхъ слуховъ о свиданіи съ вел. княгиней, которыми меня растравляли въ тюрьмѣ. Я думалъ, что я опозоренъ... Какъ только я получилъ возможность писать, я написалъ письмо в. к., считая ее виновницей слетни. Потомъ, послѣ суда, мнѣ было неприятно, что я нарушилъ свою корректность къ в. к... На судъ я перешелъ въ наступленіе не вслѣдствіе аффекта, а потому, что не видѣлъ другого смысла: судьи и особенно председатель — действительно мерзавцы, и мнѣ просто противно открывать что нибудь изъ моей души, кромѣ ненависти... Въ кассационной жалобѣ я старался провести строго партійный взглядъ и думаю, что ничѣмъ не повредилъ интересамъ партіи своими заявленіями на судъ. Я заявилъ, что убійство вел. князя есть обвинительный актъ противъ правительства и царскаго дома. Поэтому въ приговоръ вставлено „дядя Е. В.“. Я написалъ въ кассационной жалобѣ, что въ дѣлѣ противъ в. к. мнѣ не было нужды дѣйствовать противъ личности царя, какъ племян-

ника, и потому заявилъ протестъ, имѣя въ виду будущій процессъ...

Обнимаю, цѣлую васъ. Вѣрьте, что я всегда съ вами до послѣдняго издыханія. Еще разъ прощайте.

Вашъ И. Каляевъ.

2 Письма къ матерн.

Дорогая, незабвенная моя мать!

Итакъ, я умираю. Я счастливъ за себя, что съ полнымъ самообладаніемъ могу отнестись къ моему концу. Пусть же Ваше горе, дорогіе мои, — Вы всѣ, мать, братья и сестры, — потонетъ въ лучахъ того сіянія, которымъ свѣтитъ торжество моего духа.

Прощайте. Привѣтъ всѣмъ, кто меня зналъ и помнитъ. Завѣщаю Вамъ: храните въ чистотѣ имя нашего отца. Не горюйте, не плачьте. Еще разъ прощайте. Я всегда съ Вами.

Вашъ И. Каляевъ.

Дорогая мать моя!

Пользуюсь еще разъ случаемъ, чтобы передать Вамъ мой привѣтъ, хотя я и не увѣренъ вручатъ ли Вамъ это письмо.

Состояніе моего духа неизмѣнно! Я счастливъ сознаніемъ, что поступилъ такъ, какъ этого требовалъ мой долгъ. Я сохранилъ въ чистотѣ мою совѣсть и не нарушилъ цѣлости моихъ убѣжденій. Вы знаете хорошо, что у меня не было личной жизни для себя и если я и страдалъ въ жизни, то лишь страданіями другихъ.

Было бы смѣшно заботиться мнѣ о сохраненіи жизни теперь, когда я такъ счастливъ своимъ концомъ. Я отказался отъ помилованія и вы знаете почему. Не потому, конечно, что я расточилъ всѣ свои силы тѣлесныя и душевныя — напротивъ — я сберегъ все, что мнѣ дала жизнь ради моего конечнаго торжества въ смерти. Я всегда чувствовалъ, что я обреченъ съ малыхъ лѣтъ, и мнѣ ничего не жаль изъ моей личной жизни. Я не могу принять помилованія, потому что мои личныя убѣжденія не позволяютъ мнѣ этого. И вы должны принять мое рѣшеніе съ твер-

дымъ мужествомъ, какое только можетъ проявить любящее сердце. Не плачьте обо мнѣ — будьте счастливы, все равно какъ если бы я былъ съ Вами не разлученъ, потому что дѣйствительно я буду всегда съ Вами не разлученъ.

Если болѣе не увидимся на свиданіи,—прощайте!

Кажется, мнѣ не у кого просить прощенія личныхъ обидъ. Вотъ сейчасъ развертывается передо мной картина варшавской жизни, шумныхъ улицъ и сіяющаго надъ ними солнца. Кланяйтесь же отъ меня Варшавѣ.—Прощайте.

2 мая

Вашъ неизмѣнный И. К.

ПОСЛѢДНІЯ МИНУТЫ КАЛЯЕВА.

Органъ нашихъ польскихъ товарищей «Впередъ» получилъ слѣдующее сообщеніе изъ Петербурга о послѣднихъ минутахъ жизни нашего незабвеннаго товарища, И. П. Каляева*): «23 (10) мая въ 12 час. въ камеру Петропавловской крѣпости явился прокуроръ и заявилъ Каляеву, что въ 2 часа назначена его казнь. Ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на лицѣ осужденнаго. Прокуроръ подалъ ему для подписи прошеніе о помилованіи на имя Николая П. Каляевъ рѣшительно отказался отъ этого и попросилъ, чтобы ему дали чаю и пищи. Прокуроръ вышелъ, но 8 разъ вновь входилъ и умолялъ Каляева подписать прошеніе на «высочайшее имя». Каляевъ каждый разъ въ категорической формѣ отказывался.

«Пришедшаго къ нему духовника онъ попросилъ уйти, заявивъ, что у него своя религія, внутренняя, что совѣсть его спокойна, что онъ убѣжденъ, что не сдѣлалъ ничего дурного.

«Изъ камеры Каляевъ вышелъ такъ спокойно, съ такой увѣренностью, будто шелъ на прогулку. Такого желѣзнаго спокойствія еще не видали власти крѣпости, въ которой, однако, погибло уже не мало жертвъ.

«Такъ умеръ юный герой русской революціи».

Корреспондентъ «Освобожденія» сообщаетъ: «Когда министръ юстиціи Манухинъ доложилъ Николаю П, что сенатъ отвергъ кассачію и смертнй приговоръ, такимъ образомъ, вступилъ въ законную силу, царь, ничего не отвѣчая, отошелъ къ окну и забарабанилъ пальцами по стеклу. Отвѣта на сообщеніе Манухина такъ и не послѣдовало».

Русскій народъ не забудетъ «кровавому царю» Николаю П этой жестокой сцены.

* * *

*) Цитируемъ по нѣмецкому «Впередъ».

О послѣднихъ минутахъ Ивана Платоновича Каляева корреспондентъ «Daily Telegraph» отъ 24 (11) мая сообщаетъ:

«Когда, вчерашняго дня на разсвѣтъ, онъ былъ выведенъ на казнь, онъ сказалъ близъ стоящему полицейскому офицеру: «Скажите моимъ товарищамъ, что я умираю радостно и буду вѣчно съ ними». Это вполне соответствуетъ общему его настроенію съ самаго момента его ареста...

«Онъ взялъ клятву отъ своей матери, что она не станетъ просить о его помилованіи. Когда же, на одномъ изъ свиданій, мать сообщила ему слухи о томъ, будто его помилюють, онъ тотчасъ же написалъ министру юстиціи: «Какъ революціонеръ, вѣрный завѣтамъ Партіи Народной Воли, я считаю долгомъ моей политической совѣсти отказаться отъ помилованія».

«Каляевъ оставался спокойнымъ до послѣдней минуты; но попросилъ, чтобы поторопились съ казнью. Спрошенный, не желаетъ ли онъ видѣть священника, Каляевъ отвѣтилъ, что готовъ принять его, какъ частное лицо. При его смерти присутствовали одни официальные лица.

«Его описываютъ, какъ человѣка сдержаннаго и мягкаго, очень любящаго дѣтей, охотно пишущаго стихи, непоколебимаго въ своихъ убѣжденіяхъ, словомъ, человѣка, для котораго это убійство было дѣломъ совѣсти. Во многихъ отношеніяхъ онъ походилъ на Балмашева».

* * *

Выслушавъ свой смертный приговоръ, Иванъ Платоновичъ Каляевъ бросилъ гордый вызовъ судьямъ: «Имѣйте мужество привести этотъ приговоръ такъ же открыто въ исполненіе, какъ открыто и всенародно привелъ я приговоръ партіи!»

Царское правительство отвѣтило на это казнью — нѣтъ, не казнью, а потаеннымъ убійствомъ Каляева въ три часа ночи 10 мая. Мало того, оно десять дней скрывало отъ всей Россіи свое злое дѣло! Погибшій герой, мститель за попранныя права трудового русскаго народа, не могъ желать себѣ большаго удовлетворенія. Своими трусливыми дѣйствіями правительство признало себя подлымъ убійцей, скрывающимся въ покровѣ ночной темноты, боящимся сознаться въ совершенномъ имъ злодѣяніи...

Еще нѣсколько ударовъ мощной руки борцовъ, подобныхъ Каляеву, буревѣстниковъ начавшейся революціи, еще нѣсколько этихъ сигналовъ къ возстанію трудового народа, и подъ его напоромъ свора палачей нашей родины уйдетъ въ темное прошлое исторіи, полное страданій, униженій и безчестія...

Слава тебѣ, свѣтлый, счастливый товарищъ!

СМЕРТЬ КАЛЯЕВА.

*«...И ясенъ къ петль подымался
И въ самой петль улыбался...»*

Онъ былъ весь — затаенный, мятежный порывъ, онъ былъ весь — предвкушеніе счастья борьбы, упоенье мечтой о побѣдѣ...

Смерть его увѣнчала лавровымъ вѣнкомъ, смерть—завидная смерть на посту боевомъ — завершила достойно побѣду.

Ни на мигъ не хотѣлъ онъ спасти свою жизнь; ни мгновенья—и каждое слово его гордымъ вызовомъ судьямъ дышало.

Онъ имъ самъ диктовалъ свой смертельный вердиктъ, вызывалъ всенародно надъ нимъ совершить дѣло мести, насылая и злобы.

Онъ достигъ своей цѣли, исполнилъ свой долгъ, и, ликуя, отдался своимъ палачамъ, полный мощнымъ восторгомъ успѣха.

Этотъ чистый восторгъ и святую мечту онъ вынашивалъ долго въ души глубинахъ — съ первыхъ дней своей юности ранней...

То была не эпоха отважной борьбы, а глухая, проклятая рокомъ пора—предразсвѣтное, тусклое время...

Но мятежный, исполненный нравственныхъ силъ, онъ податься не могъ разслабляющимъ снамъ, — боевого размаха онъ жаждалъ...

Въ его чуткой душѣ глубоко залегла и тоска молодая по жизни живой, и мечтательный складъ, и мятежность...

Но пора та прошла, и открылись пути, и разсѣялся сумракъ свинцовый кругомъ—яркой жизни заря загорѣлась.

Черезъ головы тусклой невзгоды дѣтей поколѣнію старыхъ отважныхъ бойцовъ руку подали смѣлые внуки.

И борьба началась, и въ упорной борьбѣ онъ нашелъ свое мѣсто, исполнилъ свой долгъ,—и стяжалъ онъ бессмертіе смертью...

И послѣдній, предсмертный, мучительный вздохъ долетитъ, какъ хотѣлъ онъ, до вѣрныхъ друзей новымъ зовомъ на бой — безъ пощады!

ПОСЛѢДНІЯ

изданія Партіи Соціалистовъ - Революціонеровъ

40.	Соціализмъ и 1-ое мая.	(разошлось)	5.000	"
41.	„Ничего съ нами не подѣлаешь“.	Пов.		
		С. Некрасова.	10.000	"
42.	Что говорятъ соціаль-демократы „деревенской бѣднотѣ“	А. Рудина.	5.000	"
43.	По вопросамъ программы и тактики. Вып. I.		10.000	"
44.	Дворянскій царь.	(разошлось)		
45.	Слово о правдѣ.	(разошлось)		
46.	Крестьянское раззореніе и царская казна	(разошлось)	3.000	"
			2.000	"
47.	Воля царская и воля народная		2.000	"
48.	Государственный строй въ Россіи	(раз.)	3.000	"
49.	Долой полицію!	(разошлось)	2.000	"
50.	Какъ смотрятъ с.-д. и с.-р. на крестьянство и земельный вопросъ		5.000	экз.
51.	Д. Хилковъ. Терроръ и массовая борьба		10.000	"
52.	Ф. Волховской. Какъ мужикъ у всѣхъ въ долгу остался		5.000	"
53.	„Почему армяне «бунтуютъ»“.		7.000	"
54.	Ю. Гарденинъ. Памяти Н. К. Михайловскаго		5.000	"
55.	Е. Брешковская. Исполнитъ Мышкинъ и архангельскій кружокъ		7.000	"
		Къ національн. вопросу	2.000	"
56.	Фрума Фрумкина.		3.000	"
57.	П. Поливановъ. Алексѣевскій рavelинъ		5.000	"
58.	Юбилей Николая Послѣдняго		10.000	"
59.	Красное Знамя на 1905 годъ.		15.000	"
60.	На войну (Изъ расказ. запаснаго солдата)		10.000	"
61.	Д. Хилковъ. Объ уличныхъ безпорядкахъ		10.000	"
62.	„О свободѣ и о томъ, какъ она добывается“		15.000	"
63.	Государственные идеалы либерализма (съ приложеніемъ проекта земской конституціи)			
64.	О свободѣ вѣры.		6.000	"
65.	Исторія одного преступленія.			
66.	Листовка № 1. Положеніе русскаго крестьянства (разошлось)		10.000	"
67.	„2. Эхъ, пора бы, братцы, взяться вамъ за умъ (разошл.)“		10.000	"
68.	„3. Какъ добывать землю и волю“		10.000	"
69.				

70.	Листовка № 4.	Что такое Земскій Соборъ и конституція	10.000	"
71.	"	5. Откуда пошла русско-японская война (разошлось)	10.000	"
72.	"	6. Кто врагъ? (разошлось)	10.000	"
73.	"	7. Хватило-ли бы на всѣхъ земли? (разошлось)	10.000	"
74.	"	8. О наказаніи сильныхъ злодѣевъ (разошлось)	10.000	"
75.	"	9. Горе русскихъ солдатиковъ (разошлось)	10.000	"
76.	"	10. Сказка о царѣ Акакіи	10.000	"
77.	"	11. Портъ-Артурское сидѣнье	10.000	"
78.	"	12. О «фондѣ народнаго про-свѣщенія» (разошлось)	10.000	"
79.	"	13. Паденіе самодержавія	10.000	"
80.	"	14. Какъ попы обманыв. народъ	10.000	"
81.	"	15. Либералы и соц.-демокр.	10.000	"
82.	Царь		10.000	"
83.	Д. Хилковъ.	Революція и сектанты	10.000	"
84.	Маньковскій.	Сорокъ дней передъ казнями	10.000	"
85.	Воззваніе Г. Гапона	къ крестьянамъ	40.000	"
86.	Араратскій.	Подвиги царизма (изд. совмѣст. съ Армян. Рев. Федерацией)	10.000	"
87.	Матросы	Чернаго моря	20.000	"

Перепечатаны:

88.	Ко всему русскому крестьянству	20.000	"
89.	Кризисъ и безработица	20.000	"
90.	Къ солдатамъ отъ рабочихъ соц. рев.	20.000	"
91.	Эхъ, пора бы, братцы	20.000	"
92.	Хитрая Механика	30.000	"
93.	Разказы изъ русской исторіи ч. 2-я	20.000	"
94.	Хватило ли бы для всѣхъ земли, если бы ее разверстать правильно	20.000	"
95.	Бесѣды о землѣ	20.000	"
96.	Разказы изъ русской исторіи ч. 1-я	5.000	"

Періодическія изданія.

«Революціонная Россія» №№ 1—72. «Вѣстникъ Русской Революціи» №№ 1—4. «Народное Дѣло» №№ 1—5. «Бюллетенъ» №№ 3—5.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

RENEWALS ONLY—TEL. NO. 642-3405

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

SEP 17 1969

OCT 1 - 1969
JAN 16 1970
RECEIVED

MAR 25 70 - 1 PM

DUE

OCT 18 2006

SUBJECT TO RECALL
IMMEDIATELY

REC'D BIOS

AUG 18 2006 - 12 00 PM

LD21A-60m-6,'69
(J9096s10)476-A-32

General Library
University of California
Berkeley